

РИК РИОРДАН

ГЕРОИ ОЛИМПИА

КНИГА 2

СЫН НЕПТУНА

Annotation

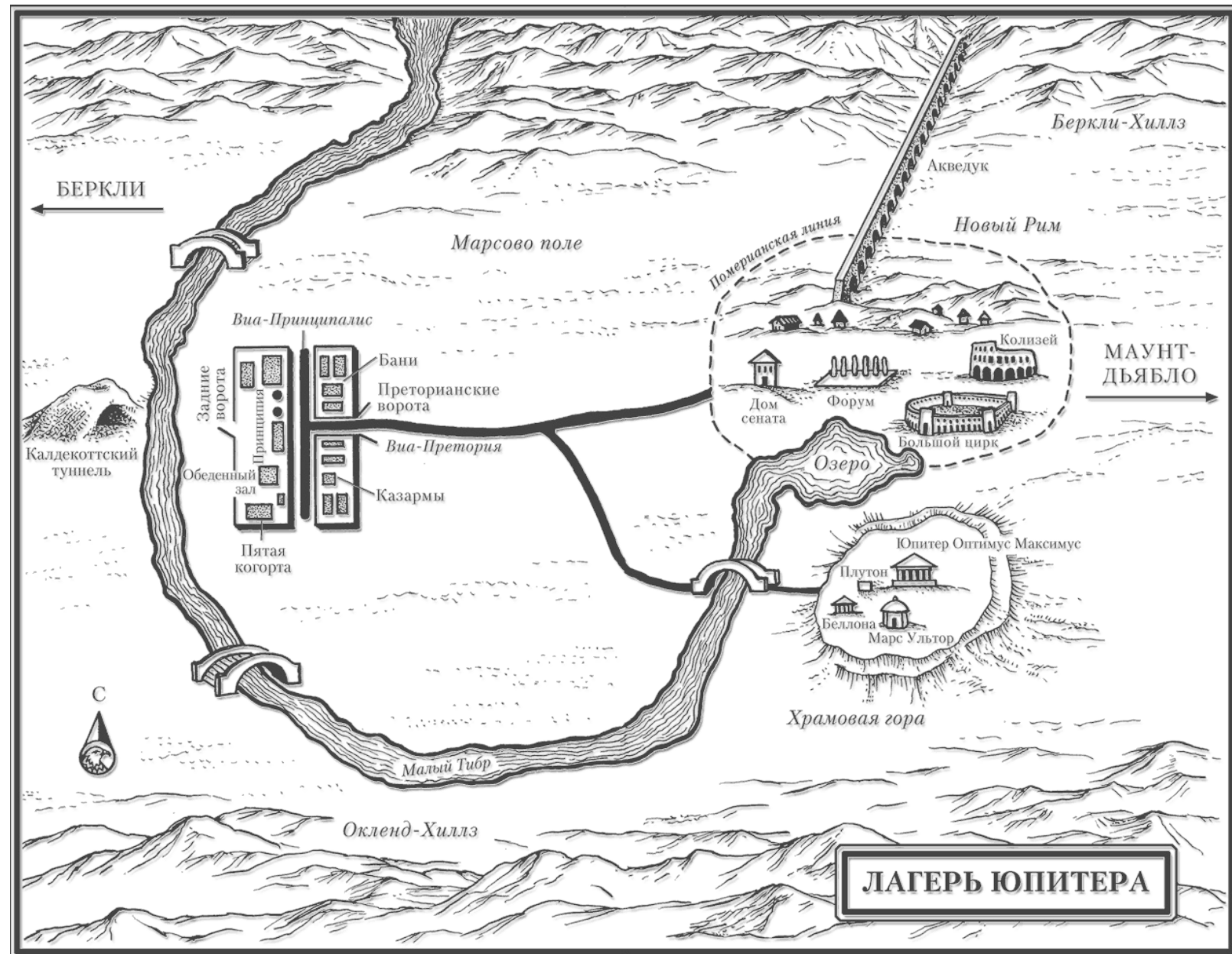
Перси Джексон (да-да, тот самый!) с удивлением обнаруживает, что монстры, с которыми он сражается, почему-то не умирают от ударов его клинка. В чем тут хитрость? И кто отнял его память? Ведь наш юный герой не помнит ни дома, ни друзей, вообще ничего! Но однажды Перси набредает на римский лагерь, где он находит себе новых друзей — Хейзел, дочь бога Плутона, и Фрэнка, сына бога Марса. От них-то Перси и узнает, что Гея, богиня Земли, и ее сыновья, гиганты, пленили бога смерти Танатоса. И пока он не будет освобожден, миром будут править чудовища, получившие в подарок бессмертие...

Вторая книга нового суперсериала от создателя цикла о Перси Джексоне, ставшего одним из главных литературных событий последних лет и упрочившего успех высокобюджетной экранизацией!

Рик Риордан

Сын Нептуна

Посвящается Бекки, разделяющей со мной святилище в Новом Риме. Даже Гера не заставит меня забыть тебя

I. Перси

Эти змееволосые дамочки уже начали раздражать Перси.

Они должны были умереть еще три дня назад, когда он сбросил на них ящик с шарами для боулинга в «Баргин-Марте» в Напе. Они должны были отдать концы два дня назад, после того как он переехал их полицейским автомобилем в Мартинесе. И уж точно они должны были сдохнуть, когда он отрезал им головы сегодня утром в Тилден-парке.

Перси убивал их и своими глазами видел, как они обращаются в прах, но эти гнусные тетki неизменно возвращались к жизни. Он, похоже, даже не мог надолго от них оторваться.

Он взобрался на вершину холма и перевел дух. Сколько времени прошло с тех пор, как он прикончил их в последний раз? Часа два, наверное. Кажется, они теперь не умирают больше чем на два часа...

В последние дни Перси почти не спал. Ел он то, что удавалось стянуть по дороге, — жевательную конфету из торгового автомата, черствый бублик или лепешку буррито, хотя прежде он еще так низко не опускался. Одежда его порвалась, местами обгорела и вся была заляпана слюной монстров.

Перси до сих пор был жив только потому, что две змееволосые дамочки (они называли себя горгонами) тоже, похоже, оказались не в состоянии его убить. Их когти не оставляли следа на его коже. Если они пытались его укусить — зубы у них ломались. Но Перси уже был на пределе. Скоро он свалится от истощения, а тогда... хоть его и трудно убить, горгоны найдут способ. Он в этом не сомневался.

Ну и куда бежать?

Он огляделся. При других обстоятельствах этот пейзаж ему бы понравился. Слева от него расстилались золотистые холмы, а между ними там и сям виднелись озера, леса, по полям бродили коровьи стада. Справа от него простирались на запад равнины Беркли и Окленда — громадная шахматная доска, на которой обитало несколько миллионов человек, наверняка не желавших, чтобы их мирный утренний завтрак прервали два монстра и грязный полубог.

Еще дальше на западе серебристой дымкой сверкал залив Сан-Франциско. Большую часть самого города проглотила стена тумана — из серой мглы торчали лишь верхушки небоскребов и башни моста Золотые Ворота.

Смутная тоска сдавила грудь Перси. Что-то говорило ему, что он уже бывал в Сан-Франциско. Этот город каким-то образом был связан с Аннабет — единственным человеком, кого он помнил из своего прошлого. Его воспоминания о ней были на удивление туманными. Волчица обещала, что он увидит ее еще раз и память вернется к нему, если это путешествие увенчается успехом.

Может быть, ему стоит попытаться пересечь залив?

Эта мысль ему понравилась. Он чувствовал силу океана за горизонтом. Вода всегда придавала Перси силы. А соленая вода в особенности. Он обнаружил это два дня назад, когда удушил морского монстра в Каркинезском проливе. Если ему удастся добраться до залива, то, возможно, он сумеет дать последний бой. Может, ему удастся утопить горгон. Но до берега еще оставались мили две. Перси предстояло пересечь целый город.

Он медлил и еще по одной причине. Волчица Лупа научила его обострять чувства — то есть доверять своим инстинктам, а они вели его на юг. Его внутренняя «система наведения»

вопила как сумасшедшая. Выходило, что его путешествие приближалось к концу — пункт назначения располагался практически у него под ногами. Но ничего такого Перси не видел. И на вершине холма не было ничего.

Ветер переменялся. Перси уловил кисловатый запах рептилии. В сотне ярдов внизу по склону в лесу что-то зашуршало — затрещали ветки, захрустели сминаемые листья, раздалось шипение.

Горгоны, чтоб их!..

В миллионный раз Перси пожалел, что у них такие чувствительные носы. Они всегда чуяли его, потому что он — полубог, полукровка, сын какого-то римского бога. Перси пытался вывалиться в грязи, двигаться по ручьям, даже носил с собой аэрозольные освежители воздуха, чтобы вонять, как новенькое авто, но запах полубога явно перешибал все.

Он поплелся к западному склону. Склон было слишком крут — не спустишься. Обрыв футов в восемьдесят заканчивался крышей жилого здания, встроенного в холм. Еще двадцатью футами ниже из основания холма петляла шоссе-ная дорога, ведущая в Беркли.

Отлично. Другого пути с холма не было. Он сам умудрился загнать себя в угол.

Перси посмотрел на поток машин, мчащихся в Сан-Франциско, и пожалел, что не сидит в одной из них. Потом он понял, что дорога, видимо, проходит через холм. Где-то здесь, прямо у него под ногами, должен находиться туннель.

Его внутренний радар сошел с ума. Он таки оказался в нужном месте... высоковато, правда. Нужно разобраться с этим туннелем. Ему нужно туда добраться. И побыстрее!

Перси скинул рюкзак со спины. Ему удалось много чего прихватить в «Баргин-Марте» в Напе: портативный навигатор, скотч, зажигалку, суперклей, бутылку с водой, скручивающуюся подстилку, удобную подушечку в форме маленькой панды (видел такую по телевизору) и швейцарский складной нож с десятком всяких штучек — практически все, что может понадобиться современному герою из полубогов. Но парашют или санки из этого не соорудишь.

Таким образом, остаются две возможности: прыгнуть с высоты восемьдесят футов и разбиться насмерть или сражаться здесь, у обрыва. Оба варианта не слишком хороши.

Перси выругался и вытащил из кармана авторучку.

Она не представляла собой ничего особенного — так, обычная ручка с шариковым стержнем, но, когда Перси снял колпачок, она превратилась в сверкающий меч из бронзы. Идеально сбалансированный клинок. Кожаная рукоять легла Перси в ладонь как влитая, словно была сделана специально под его руку. На гарде было вытравлено слово на древнегреческом — «Анаклузмос». Перси знал, что это означает нечто вроде: «Сильное течение, стремнина».

В первую свою ночь в Волчьем Логове он проснулся с этим мечом в руке. Когда это было... два месяца назад? Перси потерял счет времени. Он просто очутился во дворе обгоревшего и полуразрушенного особняка посреди леса — в шортах, оранжевой футболке и с кожаным шнурком-ожерельем, на который были нанизаны глиняные бусинки. В руке у него был Анаклузмос, но Перси понятия не имел, откуда взялся этот меч, и весьма смутно представлял себе, кто такой он сам. Он был бос, дрожал от холода и не понимал, на каком он свете. А потом появились волки...

Совсем рядом с ним прозвучал голос, вернувший Перси к реальности.

— Ну вот и ты!

Перси отшатнулся от горгоны и чуть не свалился с обрыва.

Это была улыбчивая горгона — Беано.

Нет, на самом деле звали ее не Беано. Насколько мог понять Перси, он был не слишком способен к чтению, потому что когда пытался читать, слова не давались ему. Когда он впервые увидел горгону, изображающую из себя продавца-консультанта в «Баргин-Марте», у нее был большущий зеленый значок с надписью: «Добро пожаловать! Меня зовут Стено». Но он решил, что там написано Беано.

На ней по-прежнему была фирменная зеленая жилетка «Баргин-Марта», напыленная поверх платья в цветочек. Если посмотреть на ее фигуру, то можно было подумать, что это какая-то раздобревшая бабушка, но когда дело доходило до ног, тут ты видел, что они у нее петушинные. А подняв взгляд, замечал бронзовые кабаны клыки, торчащие из уголков рта. Глаза горгоны пылали огнем, а вместо волос на голове располагалось гнездо извивающихся зеленых змей.

Но знаете, что было самое ужасное? Она все еще держала в руках тарелку с тремя сосисками под тертым сыром. Тарелка была изрядно помята после всех тех схваток, в которых Перси убивал горгону, но три образчика мясной продукции возлежали на ней во всей своей нетронутой красе. Стено таскала с собой эти сосиски по всей Калифорнии, чтобы предложить Перси перекусить, перед тем как убить его. Перси понятия не имел, почему она так настойчива, но если бы ему когда-нибудь понадобились боевые доспехи, он сделал бы их из сосисок с тертым сыром. Они были просто неуничтожимы.

— Попробуй одну, — предложила ему Стено.

Перси отпихнул ее мечом.

— Где твоя сестра?

— Да убери ты этот меч, — проворчала Стено. — Знаешь ведь уже, что даже небесной бронзой надолго нас не убить. Скушай сосисочку с сыром! Они продаются на этой неделе, и мне не хотелось бы убивать тебя на пустой желудок.

— Стено! — Вторая горгона с такой быстротой материализовалась справа от Перси, что он даже не успел отреагировать. К счастью, она была слишком занята — поедала взглядом свою сестренку и почти не обращала на него внимания. — Я же тебе сказала: найти его и прикончить!

Улыбка погасла на лице Стено.

— Но, Эвриала... — Она произнесла имя так, что оно напомнило ему другое имя — Мьюриел. — Почему я не могу сначала угостить его сосисочкой?

— Потому что не можешь, идиотка! — Эвриала повернулась к Перси и обнажила клыки.

Если бы не волосы — у нее была прическа из коралловых аспидов, а не зеленых гадюк, — она была бы точной копией своей сестры. На ее фирменной жилетке, на платье в цветочек, даже на клыках — повсюду висели бирочки с надписью: «Скидка 50 %». Беджик, на котором обычно пишут имена, гласил: «Привет! Меня зовут: УМРИ, СКОТИНА-ПОЛУБОГ».

— Ты заставил нас побегать, Перси Джексон, — сказала Эвриала. — Теперь ты в ловушке, и мы тебе отомстим!

— Сосисочки с тертым сыром всего за два доллара девяносто девять центов, — услужливо добавила Стено. — Бакалейный отдел, ряд третий.

Эвриала зарычала.

— Стено, «Баргин-Март» был ширмой! Ты уже совсем в американку превратилась!

Выброси эту идиотскую тарелку и помоги мне убить полукровку. Или ты забыла, что он прикончил Медузу?

Перси сделал шаг назад. Еще шесть дюймов, и он полетит вверх тормашками.

— Послушайте, дамы, мы уже об этом говорили. Я не помню, чтобы я убивал Медузу. Я вообще ничего не помню! Не могли бы мы объявить перемирие и поговорить о том, какие у вас распродажи на этой неделе?

Стено посмотрела на сестру обиженным взглядом, что в сочетании с ее гигантскими бронзовыми клыками выглядело комично.

— Ну что — объявим?

— Нет! — Эвриала сверлила Перси красными глазами. — Мне все равно, что ты там помнишь, сын бога морей. Я чую на тебе запах крови Медузы. Да, он слабый, ему уже много лет, но именно ты последним победил мою сестру. Она до сих пор не вернулась из Тартара. Это твоя вина!

Перси толком ничего не понял. От этого наворота — «умереть, а потом вернуться из Тартара» — у него даже голова заболела. Конечно, голова побаливала и при мысли о том, что шариковая ручка может превращаться в меч. Или что монстры могут маскироваться с помощью чего-то, называемого Туманом. Или что Перси — сын древнего морского бога, пять тысяч лет назад обросшего ракушками. Но в это он верил. Хотя его память и оказалась стертой, он знал, что он — полубог. И еще он знал, что его зовут Перси Джексон. С самого первого разговора с волчицей Лупой он принял как данность то, что этот безумный мир богов и монстров — его реальность. Такая фигня, ничего не поделаешь.

— Я предлагаю ничью, — сказал он. — Я не могу убить вас, а вы не можете убить меня. Если вы — сестры Медузы, той Медузы, что, типа, превращала людей в камень, то мне вроде бы уже пора окаменеть.

— Герои! — презрительно выплюнула Эвриала. — Они всегда поднимают этот вопрос, ну чисто как наша матушка! «Почему вы не можете превращать людей в камень? Вот ваша сестра может это делать». Мне жаль тебя разочаровывать, мальчик! Это было проклятием только одной Медузы. Она была самой страшненькой в нашем семействе. Ей повезло больше других.

— Матушка говорила, что я самая страшненькая, — обиженно проговорила Стено.

— Цыц! — прикрикнула на нее Эвриала. — А вот что касается тебя, Перси Джексон, то у тебя и в самом деле Ахиллова метка. Поэтому тебя непросто убить. Но можешь не сомневаться — мы найдем способ.

— Какая еще метка?

— Ахиллова, — жизнерадостно пояснила Стено. — Ах, Ахилл... он был великолепен. В младенчестве его окунули в реку Стикс, а потому он был неуязвим, кроме малюсенькой точки у него на пятке. Именно это случилось и с тобой, дорогуша. Кто-то, видимо, окунул тебя в Стикс, и кожа у тебя стала, как металл. Но ты не беспокойся. У героев вроде тебя всегда отыщется слабое место. Нам просто нужно его найти, и тогда мы сможем тебя убить. Вот будет мило. Съешь сосисочку с сыром!

Перси попытался обдумать услышанное. Он не помнил, чтобы его макали в Стикс. Правда, он вообще почти ничего не помнил. Кожа у него вовсе не была железной, но слова Стено, по крайней мере, объясняли, как ему удалось так долго продержаться против горгон.

Может быть, если он бросится с горы... то каким-то образом останется жив? Рисковать он не хотел. Вот если бы у него было что-то, замедляющее падение, — салазки или...

Перси посмотрел на большую серебряную тарелку в руках Стено.

Ммм...

— Может, передумаешь? — спросила Стено. — Очень умно, дорогуша. Я добавила в них немного горгоньей крови, так что твоя смерть будет быстрой и безболезненной.

Горло Перси сдавил спазм.

— Ты добавила горгонью кровь в эти сосиски с сыром?..

— Совсем капельку. — Стено улыбнулась. — Чуть-чуть надрезала себе кожу. Но ты такой милый, что за меня переживаешь. Ты ведь знаешь, что кровь из правой части наших тел излечивает от любой болезни. А вот кровь из левой части смертельна...

— Ты дура! — прохрипела Эвриала. — Ты не должна ему это говорить. Не станет он есть сосиски, если будет знать, что они отравлены!

Стено, казалось, была удивлена.

— Не станет? Но я же сказала, что смерть будет быстрой и безболезненной.

— Прекрати! — Ногти Эвриалы превратились в когти. — Мы убьем его так, чтобы он помучился, — будем терзать, пока не найдем слабого места. А когда мы покончим с Перси Джексоном, то станем более знаменитыми, чем Медуза! Наш покровитель вознаградит нас!

Перси крепче сжал рукоять меча. Ему нужно точно рассчитать движения — несколько секунд замешательства, схватить левой рукой тарелку...

Нужно, чтобы они подольше болтали, подумал он.

— Прежде чем вы растерзаете меня до смерти, — проговорил Перси, — скажите, кто такой этот ваш покровитель.

Эвриала ухмыльнулась.

— Богиня Гея, конечно! Та, которая вызвала нас из забвения. Ты не доживешь до встречи с нею, но твои друзья внизу скоро узнают, что такое ее гнев. Уже сейчас ее армии движутся на юг. Она пробудится на Праздник Фортуны и срежет головы полубогов, как... как...

— Как цены в нашем супермаркете «Баргин-Март»? — радостно подсказала Стено.

— Заткнись! — Эвриала бросилась на сестру.

Перси воспользовался моментом. Он схватил тарелку Стено, стряхнул с нее отравленные сосиски и, замахнувшись мечом, разрубил Эвриалу пополам. Потом вскинул тарелку на уровень глаз — и Стено увидела собственное отражение в покрытой жиром поверхности.

— Медуза! — воскликнула она.

Ее сестра Эвриала рассыпалась в прах, но тут же начала возрождаться, собираясь из комка пыли, словно растаявший снеговик, который стал смерзаться заново.

— Стено, ты идиотка! — проворчала она, когда ее наполовину сформировавшееся лицо показалось из горки праха. — Это же твое собственное отражение! Хватай его!

Перси шарахнул тарелкой по голове Стено, и она вырубилась.

Он подsunул тарелку себе под задницу, произнес беззвучную молитву тому римскому богу, который ведал всякими дурацкими салазками, и припустил вниз по склону.

II. Перси

Если ты мчишься вниз по склону со скоростью пятьдесят миль в час на блюде для закусок и на полпути понимаешь, что делать этого не стоило, то предпринимать что-нибудь уже поздно.

Перси едва не врезался в дерево, по касательной отскочил от валуна, развернулся на 180 градусов в направлении к шоссе. Нормального руля у этой дурацкой тарелки, конечно же, не было.

Он услышал позади себя вопли сестренки-горгон и мельком увидел на вершине холма шевелюру из коралловых аспидов, но времени беспокоиться об этом у него не было. Крыша жилого здания внизу, напоминая нос боевого корабля, неумолимо приближалась к Перси. До столкновения оставалось десять, девять, восемь...

Он исхитрился извернуться, чтобы не сломать ноги. Тарелка проскользила по крыше и полетела по воздуху. Тарелка — в одну сторону, Перси — в другую!

Он падал в направлении дороги, размышляя над ужасным вариантом развития событий: его тело ударяется о лобовое стекло внедорожника, а сидящий за рулем разозленный водитель пытается смахнуть его дворниками. «Этот идиот мальчишка свалился мне прямо на голову! Я и без того опаздываю!»

Чудесным образом порыв ветерка отнес его в сторону — и Перси приземлился не на шоссе, а в кустах. Мягкой посадкой это не назовешь, но все же лучше, чем впечататься в асфальт.

Перси застонал. Ему хотелось остаться здесь навсегда и уснуть. Но надо было двигаться.

Он с трудом поднялся на ноги. Руки у него были исцарапаны, но, похоже, все кости целы. Рюкзак остался при нем, но в какой-то момент на спуске он потерял меч. Правда, Перси знал, что меч так или иначе вернется к нему — появится в виде авторучки в его кармане. Это было частью волшебства.

Он окинул взглядом склон холма. Горгон с их цветными змееволосами и ярко-зелеными фирменными жилетками трудно было не заметить. Они спускались по склону, делая это медленнее, чем Перси, но управляли движением намного лучше, чем он. Эти их птичьи ноги были куда лучше приспособлены для альпинизма. Перси прикинул, что через пять минут они его догонят.

Рядом тянулся сетчатый забор, отгораживающий шоссе от поселка с петляющими улицами, аккуратными домиками и высокими эвкалиптовыми деревьями. Забор, видимо, был возведен для того, чтобы люди не выходили на шоссе и не совершали всякие глупости (ну, скажем, не скатывались на скоростную полосу на тарелке), но в ограждении имелось множество здоровенных дыр. Перси мог легко проскользнуть сквозь одну из них в поселок. Может, ему удастся найти там машину и рвануть на запад к океану. Ему не нравилось угонять машины, но в последние недели, когда вопрос о жизни и смерти стоял очень остро, он позаимствовал несколько машин, включая и патрульную полицейскую. Перси собирался их вернуть, но они как-то быстро и неожиданно выходили из строя.

Перси кинул взгляд на восток. Как он и предполагал, в сотне ярдов от него в холме имелся туннель с двумя входами — по одному для каждого направления, они смотрели на него, как глазницы гигантского черепа. В середине, где должен был находиться нос мертвеца, из холма выступала бетонная стена с металлической дверью, похожей на вход в бункер.

Наверно, это сервисный туннель. Так, вероятно, считали смертные, если только вообще замечали эту дверь. Но они не могли видеть сквозь Туман. А Перси знал, что эта дверь — нечто большее.

По обеим сторонам от нее стояли двое ребяташек в доспехах. Их одежда представляла собой странную смесь из римских шлемов с перьями, нагрудников, ножен, джинсов, пурпурного цвета футболок и белых кроссовок. Стражник справа — вроде девчонка, хотя из-за доспехов трудно было сказать наверняка. Слева стоял коренастый парнишка с луком и колчаном на спине. Вооружение обоих дополняли длинные деревянные пики с железными наконечниками, напоминавшие старомодные гарпуны.

Внутренний радар Перси сигнализировал как сумасшедший. После стольких жутких дней он наконец добрался до цели! Его инстинкт говорил ему, что если он сможет оказаться за этой дверью, то будет в безопасности — впервые с того момента, когда волки отправили его на запад.

Почему же ему так страшно?!

Горгоны наверху уже двигались по крыше жилого здания. Три минуты — может меньше, — и они будут здесь.

Перси словно бы раздвоился. Часть его хотела ринуться к этой двери. Ему нужно будет добежать до разделительной полосы на шоссе, а там уже — всего ничего. Он может успеть, прежде чем до него доберутся горгоны.

Но другая его часть хотела продолжить путь на запад, к океану. Там он будет в большей безопасности. Там он будет сильнее всего. Эти римские стражники у дверей вызывали у него тревогу. Внутренний голос говорил ему: «Это не моя территория! Это опасно!»

— Конечно, ты прав, — сказал голос совсем рядом с ним.

Перси аж подскочил на месте. Поначалу он решил, что Беано опять сумела незаметно подобраться к нему, но старушка, сидящая в кустах, имела вид еще более жуткий, чем горгоны. Она напоминала хиппи, которого пинком вышвырнули на обочину дороги лет сорок назад, и бабулька с тех пор перебивалась тем, что собирала там объедки и мусор. Одежда ее состояла из «вареной» джинсы, ободранных юбок и пластиковых мешков. Ее растрепанные волосы имели серо-коричневый цвет, как пена мутной волны. Лицо покрывали бородавки и родинки. Если она, улыбаясь, открывала рот, то видны были три ее оставшихся зуба.

— Это не сервисный туннель, — сообщила она ему. — Это вход в лагерь.

Перси словно током ударило. «Лагерь». Вот откуда он. Из лагеря. Может, это место и было его домом. Может быть, Аннабет была где-то поблизости...

Но что-то пошло не так.

Горгоны добрались до крыши здания. Потом Стено взвизгнула от удовольствия и указала на Перси.

Старушка-хиппи подняла брови.

— У тебя мало времени, дитя. Ты должен поторопиться с решением.

— Кто вы? — спросил Перси, хотя и не был уверен, что хочет узнать ответ. Меньше всего ему хотелось встретиться с якобы безобидной бессмертной, на самом деле оказавшейся монстром.

— Ты можешь называть меня Джун^[1]. — Глаза старушки сверкнули так, словно она произнесла отличную шутку. — Ведь сейчас июнь. В честь меня и называли этот месяц!

— Ладно... Слушайте, мне нужно идти. Меня преследуют две горгоны. Я не хочу, чтобы и вам от них досталось.

Джун прижала ладони к сердцу.

— Как мило! Но это часть твоего выбора!

— Моего выбора... — Перси нервно посмотрел в сторону холма.

Горгоны снимали свои зеленые жилетки. Из спин у них выросли крылья — маленькие, как у летучих мышей, но сверкавшие, словно медные.

С каких это пор у них есть крылья? Может, они чисто декоративные? Может, они слишком маленькие, чтобы удержать горгону в воздухе. Тут две сестренки спрыгнули с крыши и, планируя в воздухе, полетели к нему.

Отлично. Просто отлично.

— Да, твоего выбора, — сказала Джун так, словно торопиться было некуда. — Ты можешь оставить меня здесь на милость горгон и поспешить к океану. Я тебе гарантирую, что ты доберешься туда в целости и сохранности. Горгоны будут счастливы оставить тебя в покое и наброситься на меня. В море ни один монстр тебя не потревожит. Ты сможешь начать новую жизнь, доживешь до старости и избежишь многих бед и несчастий, какие тебя ожидают в ином случае...

— Либо? — Перси был абсолютно уверен, что другой вариант его не устраивает.

— Либо ты можешь оказать старушке большую услугу. Отнести меня в лагерь.

— Отнести?! — Перси надеялся, что она шутит.

Но тут старушка чуть приподняла юбки и показала ему свои распухшие до синевы ноги.

— Самой мне туда не добраться, — сказала она. — Отнеси меня в лагерь — через шоссе, по туннелю, через реку.

Перси не знал, какую реку она имеет в виду, но, похоже, легкий маршрут ему не предлагали. Судя по виду, весила Джун немало.

Горгоны находились теперь ярдах в пятидесяти — лениво скользили в их направлении, словно зная, что охота практически подошла к концу.

Перси посмотрел на старушку.

— И я отнесу вас в этот лагерь, потому...

— Потому что это доброе дело! — отрезала она. — А если ты этого не сделаешь, то боги умрут, наш мир погибнет и все люди из твоей прежней жизни будут уничтожены. Ты свою прежнюю жизнь, конечно, не вспомнишь, так что, думаю, это не будет иметь значения. Ты будешь в безопасности на дне моря...

Перси судорожно сглотнул. Горгоны зашлись визгливым смехом, пикируя на него и чувствуя, что конец близок.

— Если я пойду в лагерь, память вернется ко мне? — спросил он.

— В конечном счете — да, — сказала Джун. — Но ты должен знать, что тебе многим придется пожертвовать. Ты потеряешь Ахиллову метку. Тебя ждут ужасные страдания, несчастья, потери. Но возможно, у тебя будет шанс спасти твоих старых друзей и семью, вернуться к твоей прежней жизни.

Горгоны парили прямо над их головами. Возможно, они разглядывали старуху, пытаясь понять перед тем, как нанести удар, что это за новая фигура в их игре.

— А стражники у дверей? — спросил Перси.

Джун улыбнулась.

— Они тебя впустят, можешь не беспокоиться, голубчик. Этим двоим ты можешь доверять. Ну, что скажешь? Ты поможешь беззащитной старушке?

Перси сильно сомневался, что Джун такая уж беззащитная. В худшем случае его

заманивали в ловушку. В лучшем — это было какое-то испытание.

Перси ненавидел испытания. С того времени как он потерял память, вся его жизнь превратилась в один незаполненный бланк.

Он был _____ из _____. Он чувствовал себя, как _____, и если бы монстры схватили его, то он был бы _____.

Потом Перси вспомнил Аннабет — единственное, что он помнил о своем прошлом. Он должен ее найти.

— Я тебя отнесу. — Перси подхватил старушку на руки.

Она оказалась легче, чем он предполагал. Перси постарался не обращать внимания на дурной запах из ее рта и мозолистые пальцы, обхватившие его за шею. Он пересек первую полосу шоссе. Какой-то водитель погудел ему вслед. Другой прокричал что-то, но его слова унес ветер. Большинство объезжали его с раздраженным видом, словно им часто приходилось уступать дорогу грязным подросткам, которые тащат на руках замызганных старушек через шоссе в Беркли.

На него упала тень.

— Сообразительный мальчик! Нашел богиню — и таскаешь ее? — радостно крикнула ему Стено.

Богиню?!

Очередная машина чуть не сшибла его, и Джун довольно прокряхтела:

— Опа!

Где-то слева от него Эвриала вскрикнула:

— Хватай их! Две добычи — лучше, чем одна!

Перси перебежал через оставшиеся полосы и каким-то образом сумел живым добраться до разделительной дорожки. Он видел, как горгоны пикируют на него, как виляют машины при виде чудовищ наверху. Интересно, подумал он, что видят сквозь Туман смертные — гигантских пеликанов? Дельтапланеристов? Волчица Лупа говорила ему, что разум смертного готов поверить во что угодно, кроме правды.

Перси побежал к двери в склоне холма. С каждым шагом Джун становилась все тяжелее. Сердце Перси колотилось как сумасшедшее, аж ребра болели.

Один из стражей закричал. Парень с луком натянул тетиву.

— Не стреляй! — завопил Перси.

Но парень целился не в него. Стрела просвистела над головой Перси. Горгона взвыла от боли. Второй стражник взял на изготовку копье, жестами показывая Перси, чтобы тот поторапливался.

Пятьдесят футов до двери. Тридцать футов.

— Попался! — взвизгнула Эвриала.

Перси обернулся в тот момент, когда стрела попала ей в лоб. Эвриала рухнула на полосу движения — в нее врезался грузовик и протащил ярдов сто по дороге, но горгона взобралась на кабину, вытащила стрелу из лба и снова взмыла в воздух.

Перси добежал до двери.

— Спасибо! — крикнул он стражникам. — Отличный выстрел!

— Такой выстрел должен был бы ее убить! — ответил лучник.

— Добро пожаловать в мой мир, — пробормотал Перси.

— Фрэнк, — сказала девчонка, — давай их быстрее внутрь! Это горгоны.

— Горгоны? — Голос лучника дал петуха. Кто он такой — под шлемом не разобрать, но

по виду его можно было принять за этакого коренастого борца лет четырнадцати-пятнадцати. — А дверь их удержит?

Джун на руках Перси прокряхтела:

— Нет, не удержит. Вперед, Перси Джексон! По туннелю и через реку!

— Перси Джексон? — Девчонка-стражница была смуглокожей, с кудрявыми волосами, торчащими из-под шлема. Она казалась младше Фрэнка — лет тринадцати. Ножны меча доходили ей чуть не до пяток. Но, судя по голосу, старшей здесь была она. — Слушай, ты явно полубог. А вот кто она?.. — Она посмотрела на Джун. — Ладно, неважно. Заходи. Я их задержу.

— Хейзел, — сказал парень. — Не сходи с ума.

— Идите! — скомандовала она.

Фрэнк выругался на другом языке — на латинском, что ли? — и открыл дверь.

— Давай!

Перси двинулся вперед, пошатываясь под грузом старушки, которая явно становилась все тяжелее. Он не знал, как эта Хейзел в одиночку задержит горгон, но он слишком устал, чтобы спорить.

Туннель в холме имел ширину и высоту школьного коридора. Поначалу он выглядел как обычный сервисный туннель с электрическими кабелями, предупреждающими табличками и электрическими щитками на стенах. На потолке в металлических оплетках висели электрические лампочки. Перси и остальные все глубже уходили в туннель, и в какой-то момент бетонный пол сменился мозаичным. Вместо электрических лампочек появились факелы, которые горели, но не дымили. Еще сто ярдов — и Перси увидел квадратик дневного света.

Старушка весила теперь как несколько мешков с песком. Руки Перси дрожали от напряжения. Джун бормотала какую-то песенку на латинском, что-то вроде колыбельной, что мешало Перси сосредоточиться.

У них за спиной гулким эхом отдавались голоса горгон. Раздался крик Хейзел. Перси боролся с искушением бросить Джун и побежать назад на помощь, но тут весь туннель сотрясся от камнепада. Послышался пронзительный вопль, вроде того, что издали горгоны, когда Перси уронил на них коробку с шарами для боулинга в Напе. Он оглянулся. В западном конце туннеля теперь клубилась пыль.

— Может, посмотреть, что там у Хейзел? — спросил он.

— С ней все будет в порядке, я надеюсь, — сказал Фрэнк. — Она хорошо себя чувствует под землей. Не останавливайся! Мы почти добрались.

— Почти добрались? Куда?

Джун хихикнула.

— Все дороги ведут туда, голубок. Ты это должен знать.

— В тюрьму? — спросил Перси.

— В Рим, дитя, — объявила старушка. — В Рим.

Перси не был уверен, что правильно ее услышал. Да, он потерял память. В мозгах у него царил полный кавардак с того момента, как он пришел в себя в Волчьем Логове. Но он был уверен, что Рим находится не в Калифорнии.

Они продолжали бежать. Свет в конце туннеля становился все ярче, и наконец они оказались под лучами солнца.

Перси замер. Под его ногами чашей лежала долина шириной в несколько миль. На дне

чаши были холмы, между ними золотистые равнины и полосы леса. От озера в центре, петляя и огибая долину по периметру, бежала небольшая река с чистейшей водой, напоминая своими очертаниями прописную латинскую букву G.

Типичная география Северной Калифорнии — живые дубы и эвкалипты, золотистые холмы и голубые небеса. Вдалеке, именно там, где ей и исследовало быть, возвышалась высокая гора (как ее называют — Маунт-Дьябло?).

Но Перси казалось, что он вступил в какой-то тайный мир. В середине долины у озера угнезвился небольшой городок со зданиями из белого мрамора под красными черепичными крышами. У некоторых были купола и портики с колоннами, как у памятников архитектуры. Другие напоминали дворцы с золотыми дверями и большими садами. Он увидел открытую площадь с отдельно стоящими колоннами, фонтанами и статуями. Пятиэтажный римский Колизей сверкал на солнце, рядом располагалась удлинённая овальная арена, напоминающая ипподром.

За озером, к югу, на другом холме стояли еще более впечатляющие сооружения — храмы, догадался Перси. Через петляющую по долине реку было переброшено несколько каменных мостов, а на севере от холмов к городку протянулся длинный ряд кирпичных арок. Что-то вроде железнодорожных путей, поднятых на эстакаду. Потом Перси понял, что это, наверное, акведук.

Но самая странная часть долины располагалась прямо под ним. Ярдах в двухстах от него за рекой раскинулось некое подобие военного лагеря. Он занимал площадь приблизительно в четверть квадратной мили, по всему периметру был отсыпан земляным валом, из которого торчали острые пики. С наружной стороны вала был сухой ров, откуда тоже торчали пики. По четырем углам лагеря возвышались наблюдательные вышки, там стояли часовые с громадными арбалетами, смонтированными на перилах. На башнях висели алые знамена. В дальнем конце лагеря он увидел открытые широкие ворота, ведущие в город. Более узкие ворота располагались у берега реки. Они были закрыты. Внутри ограждения кипела жизнь. Между казармами носились подростки, таскали туда-сюда оружие, полировали до блеска доспехи. Перси слышал стук молотков, почувствовал запах мяса, жарящегося на кострах.

Что-то в этом месте показалось ему очень знакомым, но каким-то не таким...

— Лагерь Юпитера, — сказал Фрэнк. — Мы будем в безопасности, как только...

В туннеле за ними загрохотали шаги. На свет выбежала Хейзел — она была покрыта каменной пылью и тяжело дышала. Она потеряла шлем, и теперь ее кудрявые каштановые волосы ниспадали на плечи. На доспехах спереди виднелись длинные царапины, оставленные когтями горгоны. Одна из этих чудищ налепила на нее бирку, обещающую пятидесятипроцентную скидку.

— Я их немного задержала, — выдохнула она. — Но они могут появиться в любую секунду.

Фрэнк выругался.

— Нам нужно на другой берег!

Джун сильнее сжала шею Перси.

— Да, пожалуйста. Мне никак нельзя намочить платье.

Перси прикусил язык. Если эта дама — богиня, то наверняка богиня вонючих, тяжелых и бесполезных хиппи. Но он уже дотащил ее сюда. Уж лучше пронести ее еще немного.

«Это доброе дело! — сказала она ему. — А если ты этого не сделаешь, то боги умрут, наш мир погибнет и все люди из твоей прежней жизни будут уничтожены».

Если это испытание, то он должен его выдержать.

На пути к реке Перси несколько раз споткнулся. Фрэнк и Хейзел не дали ему упасть.

Они добежали до берега, и Перси остановился, чтобы перевести дух. Течение было быстрое, но река казалась довольно мелкой. И до ворот форта на другой стороне можно камень добросить.

— Иди, Хейзел. — Фрэнк укрепил на тетиве лука сразу две стрелы. — Проводи Перси, чтобы часовые его не пристрелили. Теперь моя очередь задержать этих красоток.

Хейзел кивнула и вошла в воду.

Перси последовал за ней, но что-то заставило его остановиться. Обычно он любил воду, но эта река казалась... такой мощной и не слишком дружественной.

— Малый Тибр, — сочувственно проговорила Джун. — Он течет с силой настоящего Тибра — реки империи. У тебя последняя возможность дать задний ход, дитя. Отметина Ахилла — это греческое благословение. Ты не сможешь ее сохранить, если войдешь на территорию Рима. Тибр смоем ее.

Перси слишком устал, чтобы разбираться в этом, но суть он понял.

— Если я перейду на тот берег, то у меня больше не будет железной кожи?

— Ну так что ты выбираешь? — улыбнулась Джун. — Безопасность или будущее с болью и неопределенностью?

У него за спиной завопили горгоны, вылетевшие из туннеля. Фрэнк выпустил стрелы.

Хейзел с середины реки окликнула его:

— Перси, давай!

С вышек раздался звук труб. Часовые кричали и направляли свои арбалеты на горгон.

«Аннабет», — подумал Перси.

И поспешил в реку.

Вода была просто ледяная, а течение — быстрее, чем он думал, но его это не волновало. Перси словно почувствовал второе дыхание. Все его чувства обострились, словно получили дозу кофеина. Он добрался до противоположного берега и, когда открылись ворота, опустил старушку на землю. Им навстречу высыпали десятки ребят в доспехах.

Хейзел повернулась к нему и улыбнулась с облегчением. Потом она кинула взгляд через плечо Перси, и на ее лице появилось выражение ужаса.

— Фрэнк!

Фрэнк был посреди реки, когда горгоны догнали его. Они спикировали на него и подхватили под руки. Их когти вонзились в его тело, и он завопил от боли.

Часовые закричали, но Перси знал, что их стрелы не долетят до горгон. Эти твари наверняка убьют Фрэнка. Другие ребята выхватили мечи и устремились к воде, но им было не успеть.

Оставалось одно.

Перси вытянул перед собой руки. Его нутро скрутил жестокий спазм, и Тибр подчинился ему. Река вздыбилась. По обе стороны от Фрэнка образовались водные вихри, повторяя движения Перси. Гигантские руки ухватили горгон, и те отпустили ошеломленного Фрэнка. Потом руки подняли верещащих горгон, крепко держа их своей водяной хваткой.

Перси слышал, как другие ребята вскрикнули и подались назад, но он продолжал делать то, что должен был сделать. Он нанес удар по воздуху кулаками, и гигантские руки швырнули горгон в реку. Монстры ударились о дно и рассыпались в прах. Сверкающие облачка горгонных существ попытались вернуться к жизни, но река разметала их в стороны. Вскоре

горгон отдельными частичками уже уносило вниз по реке. Водяные вихри исчезли, и обычное течение восстановилось.

Перси стоял на берегу. От его одежды и кожи шел пар, словно воды Тибра окатили его кислотой. Он чувствовал себя уязвимым и незащищенным. С него словно содрали кожу.

В середине Тибра на подгибающихся ногах покачивался Фрэнк, вид у него был ошарашенный, но вполне себе здоровый. Хейзел бросилась в воду, чтобы помочь ему выбраться на берег. И только теперь Перси понял, что остальные ребята словно онемели.

Все смотрели на него. Лишь старушка Джун сохраняла невозмутимое выражение.

— Замечательное было путешествие, — сказала она. — Спасибо тебе, Перси Джексон, что принес меня в лагерь Юпитера.

— Перси... Джексон? — Одна из девчонок едва не поперхнулась, выговорив это.

Похоже, его имя было ей известно. Перси уставился на нее, надеясь увидеть знакомое лицо.

Так, она явно здесь командует. Поверх доспехов на ней был великолепный алый плащ, грудь украшали медали. Судя по всему, эта девчонка с пронзительными темными глазами и черными волосами ровесница Перси. Он не узнал ее, но девчонка смотрела на него так, будто видела его в своих ночных кошмарах.

Джун довольно рассмеялась.

— О да, у вас будет возможность вместе повеселиться!

А потом, словно на сегодня было мало всяких странных событий, старушка начала светиться и менять свою форму. Она росла и увеличивалась, пока не превратилась в семифутовую богиню в голубом платье с накидкой на плечах, кажется, из козьей шкуры. Лицо у нее сделалось строгим и величественным, а в руке появился посох с цветком лотоса.

Обитатели лагеря, казалось, и без того были ошеломлены, но теперь вид у них стал совершенно обалделый. Девушка в алом плаще упала на колени. Другие сделали то же вслед за ней. Один так поспешил с коленопреклонением, что чуть не напоролся на собственный меч.

Первой заговорила Хейзел.

— Юнона!

Они с Фрэнком тоже опустились на колени, и теперь стоять остался один только Перси. Он знал, что, наверно, тоже должен опуститься на колени, но он столько тащил эту старушку на руках, что вовсе не хотел выказывать ей такое уважение.

— Юнона? — обратился он к ней. — Если я прошел твое испытание, может быть, ты вернешь мне мою память и мою жизнь?

Богиня улыбнулась.

— Со временем, Перси Джексон. Если ты добьешься успеха здесь, в лагере. Сегодня ты вел себя неплохо — и положил этим неплохое начало. Возможно, для тебя не все потеряно.

Она повернулась к остальным.

— Римляне, я представляю вам сына Нептуна. Долгие месяцы он дремал, но теперь проснулся. Его судьба в ваших руках. Праздник Фортуны не за горами, и, если вы желаете иметь хоть самый малый шанс на победу в сражении, Смерть нужно освободить. Не подведите меня!

Юнона замерцала и исчезла. Перси посмотрел на Хейзел и Фрэнка — не объяснят ли они ему, что это значит, но ребятки, казалось, пребывали в таком же недоумении. В руках у Фрэнка было что-то — Перси не заметил этого раньше: две небольшие керамические

фляжки с пробками, словно для снадобий. Перси понятия не имел, откуда они взялись, но он увидел, как Фрэнк сунул их себе в карман, а потом посмотрел на него, словно говоря: «Мы вернемся к этому позже».

Девушка в алом плаще вышла вперед. Она подозрительно оглядела Перси, и он не смог избавиться от ощущения, что она хочет пронзить его своим кинжалом.

— Итак, — холодно сказала девушка в алом, — значит, ты сын Нептуна, который является к нам с благословением Юноны.

— Слушай, — дружески проговорил Перси, — у меня с памятью... немного не того. Понимаешь, она вообще пропала. Я тебя знаю?

Девушка помедлила, потом сказала:

— Меня зовут Рейна, я претор Двенадцатого легиона. И... нет, я тебя не знаю.

Последнее было ложью. Перси видел это по ее глазам. Но он понимал, что если будет спорить с ней здесь, перед ее легионерами, то ей это не понравится.

— Хейзел, — сказала Рейна, — проводи его внутрь. Я хочу поговорить с ним в принципии. Потом отправим его к Октавиану. Прежде чем решать, что с ним делать дальше, нужно узнать, что скажет авгур.

— «Что со мной делать дальше...» — повторил Перси. — Ты что имеешь в виду?

Пальцы Рейны сжались на рукояти кинжала. Она явно не привыкла к тому, чтобы ее приказы подвергались сомнению.

— Прежде чем принимать кого-то в лагерь, мы должны его допросить и попросить совета у авгура. Юнона сказала, что твоя судьба в наших руках. Мы должны понять, то ли богиня доставила нам новобранца... — Рейна посмотрела на Перси с таким видом, словно мысль о новобранце вызывала у нее серьезные сомнения. — То ли она привела сюда врага, — сказала она с большей уверенностью, — которого мы должны убить.

III. Перси

Перси крупно повезло — призраков он не боялся. А половину обитателей этого лагеря составляли мертвецы.

Мерцающие воины в пурпурных одеяниях толпились у арсенала, полируя бесплотные мечи. Другие шлялись без дела между казармами. Призрак мальчика гонялся за призраком собаки. А у конюшен здоровенный полупрозрачный парень в красном с волчьей головой охранял стадо... Это что — единороги?!

Никто из обитателей лагеря не обращал внимания на призраков, но когда Перси и его сопровождающие — Рейна впереди, Фрэнк и Хейзел сзади — проходили мимо, все призраки оставляли свои занятия и провожали Перси взглядами. Лица некоторых при этом принимали сердитое выражение. Призрак маленького мальчишки прокричал что-то вроде «Греггус!» и сделался невидимым.

Перси тоже был бы не прочь стать невидимым. Он столько недель провел в одиночестве, что теперь, под прицелом стольких глаз, чувствовал себя неловко. Он держался между Хейзел и Фрэнком и старался казаться незаметным.

— У меня что — галлюцинации? — спросил он. — Или это?..

— Призраки? — Хейзел повернулась. У нее были поразительные глаза, сверкающие, как золото высшей пробы. — Это лары. Божества, покровительствующие домашнему очагу.

— Вот как, — сказал Перси. — Как бы малые боги, не совсем настоящие, но больше, чем домовые.

— Они — духи предков, — объяснил Фрэнк.

Он снял шлем, под которым оказалась детская мордашка, не очень сочетавшаяся с военной стрижкой и его крупным, коренастым телом. Он был похож на малыша, накачавшегося стероидами и поступившего в десантники.

— Лары — они что-то вроде талисманов, приносящих счастье, — продолжал он. — Большинство из них безобидны, но я никогда не видел их в таком возбужденном состоянии.

— Они пьются на меня, — сказал Перси. — Этот парнишка-призрак назвал меня Греггус. Но меня зовут не Грег.

— Грекус, — поправила Хейзел. — Побудешь здесь немного — и начнешь понимать латынь. У полубогов природная склонность к этому языку. Грекус означает «грек».

— Это плохо? — спросил Перси.

— Может, и нет. — Фрэнк откашлялся. — У тебя типичный цвет кожи, темные волосы и все такое. Может, они думают, что ты и в самом деле грек. Твоя семья не оттуда?

— Не знаю. Я уже говорил — я потерял память.

— Или, может... — Фрэнк замолчал.

— Что? — спросил Перси.

— Наверно, ничего, — ответил Фрэнк. — Римляне и греки — давние соперники. Иногда римляне произносят «грекус» как оскорбление — называют так чужака, врага. Но я бы не стал беспокоиться на этот счет.

Однако голос его звучал довольно обеспокоенно.

Они остановились в центре лагеря, где на Т-образном перекрестке сходились две дороги.

Согласно табличкам, дорога к главным воротам называлась виа Претория. Другая

дорога, разделяющая лагерь пополам, — виа Принципалис. Под этими табличками висели написанные от руки бумажки вроде: «Беркли — 5 миль», «Новый Рим — 1 миля», «Старый Рим — 7280 миль», «Плутон — 2300 миль» (стрелочка при этой надписи указывала вниз), «Рено — 208 миль» и «Верная Смерть: ты здесь!»

Место для верной смерти выглядело довольно чистым и аккуратным. Здания были недавно выбелены, стояли ровными рядами, словно лагерь спланировал дотошный учитель геометрии. У казарм были крылечки с навесами, под ними обитатели лагеря нежились в гамаках, играли в карты или попивали лимонад. У каждой спальни был свой набор знамен перед входом, на которых были начертаны римские цифры и изображены разные животные: орел, медведь, волк, лошадь и нечто похожее на хомяка.

По виа Претория располагались лавочки, продававшие еду, доспехи, оружие, кофе, гладиаторское оснащение... тут даже давали напрокат тоги. Перед дилерской, торговавшей колесницами, висел большой рекламный щит: «Колесницы Цезаря с незаклинивающими тормозами. Без денариев — торгуем в кредит!»

На пересечении дорог стояло самое впечатляющее здание: двухэтажное сооружение овальной формы из белого мрамора с портиком и колоннадой, как перед банками в старину. Перед входом стояли римские стражники. Над дверями висело большое алое знамя с золотыми буквами SPQR внутри лаврового венка.

— Ваш штаб? — спросил Перси.

Рейна повернулась к нему, глаза ее смотрели по-прежнему враждебно и холодно.

— Это называется принципия.

Она смерила взглядом толпу любопытных, следовавших за ними от реки.

— Все возвращайтесь к исполнению своих обязанностей! На вечернем сборе я введу вас в курс дела. Не забудьте: после обеда у нас военные игры.

От мыслей об обеде в животе у Перси заурчало. Запах жареного мяса из обеденного павильона вызвал у него слюноотделение. От пекарни чуть дальше по дороге тоже пахло неплохо, но он сомневался, что Рейна позволит ему заказать булочку.

Толпа неохотно рассеялась. Некоторые высказывали себе под нос соображения относительно шансов новичка.

— Считай, покойник, — сказал один.

— Как и те двое, что его нашли, — пробормотал другой.

— Да, — прогнусавил третий. — Пусть вступает в пятую когарту. Греки и калеки.

Несколько ребят засмеялись, услышав это. Но Рейна сердито посмотрела на них, и они поспешили прочь.

— Хейзел, — велела Рейна, — пойдешь с нами. Я хочу, чтобы ты доложила, что случилось у ворот.

— Я тоже? — спросил Фрэнк. — Перси спас мне жизнь. Мы должны позволить ему...

Рейна смерила Фрэнка таким взглядом, что тот отступил.

— Хочу тебе напомнить, Фрэнк Чжан, — сказала она, — ты сам на испытательном сроке. На этой неделе ты доставил нам немало хлопот.

Уши Фрэнка покраснели. Он покрутил небольшой жетончик, висящий на шнурке на его шее. Перси прежде не обратил на него внимания, но, похоже, это был свинцовый жетон с именем.

— Иди в арсенал! — скомандовала Рейна. — Проведи инвентаризацию. Будешь нужен — позову.

— Но... — начал было Фрэнк, но осекся. — Хорошо, Рейна.

Фрэнк поспешил прочь.

Рейна показала Хейзел и Перси на дверь.

— Ну, Перси Джексон, посмотрим, удастся ли нам улучшить твою память.

Внутри принцепипия была еще более впечатляющей, чем снаружи.

Потолок сверкал мозаикой, изображающей Ромула и Рема с их приемной матерью-волчицей (Лупа миллион раз рассказывала Перси эту историю). Пол представлял собой отполированный мрамор. Стены были забраны бархатом, а потому у Перси возникло ощущение, что он находится в самой дорогой палатке лагеря. У задней стены стояло несколько знамен с деревянными древками. Знамена были увешаны бронзовыми медалями — военными символами, догадался Перси. В центре находилась пустая стойка, словно главное знамя отнесли в химчистку или еще куда-нибудь.

В дальнем углу виднелась ведущая вниз лестница. Она была перекрыта решеткой, как окно в тюремной камере.

«Интересно, что там, — подумал Перси. — Может, монстры? Сокровища? Потерявшие память полубоги, которых упрятали сюда, когда Рейна встала не с той ноги?»

В центре комнаты стоял длинный деревянный стол, заваленный свитками, блокнотами, компьютерами-планшетами, кинжалами, стояло большое блюдо с жевательными конфетами, которые казались здесь совершенно неуместными. По бокам стола расположились две полноразмерные статуи гончих — одна серебряная, другая золотая.

Рейна прошла за стол и села на один из стульев с высокой спинкой. Перси был бы не прочь сесть на другой, но Хейзел осталась стоять. И Перси решил, что ему тоже положено стоять.

— Значит... — начал было он.

Статуи собак оскалили зубы и зарычали.

Перси замер. Вообще-то он любил собак, но эти просто пожирали его красными глазами. Клыки у них были острые как бритва.

— Спокойно, ребята, — сказала гончим Рейна.

Они прекратили рычать, но не сводили взгляда с Перси, словно он был мешком с собачьим кормом.

— Они тебя не тронут, — пояснила Рейна, — если ты не попытаешься украсть что-нибудь или если я им не прикажу. Это Аргентум и Аурум.

— Серебро и Золото, — перевел Перси. Смысл латинских слов сам запрыгнул ему в голову, как и говорила Хейзел. Он чуть было не спросил, какую собаку как зовут, но потом понял, что это дурацкий вопрос.

Рейна положила на стол свой кинжал. Перси не оставляло смутное ощущение, что он видел ее раньше. Волосы у нее были черные и глянцевые, как вулканическая порода, и сплетены в одну косичку, лежавшую на спине. И манера поведения как у фехтовальщика: расслабленность, сочетающаяся с постоянной готовностью к бою, словно она в любой момент могла броситься в схватку. Из-за озабоченных морщинок у глаз Рейна казалась старше, чем на самом деле.

— Мы встречались, — решил он вслух. — Не помню когда. Пожалуйста, если можешь мне что-нибудь рассказать...

— Давай-ка по порядку, — сказала Рейна. — Сначала я хочу выслушать твою историю.

Что ты помнишь? Как ты сюда попал? Только не врать. Мои собаки не любят врунов.

Аргентум и Аурум зарычали в подтверждение ее слов.

Перси рассказал свою историю: как он пришел в себя в разрушенном особняке в лесу Сономы. Он рассказал о времени, которое провел с Лупой и ее стаей, о том, как выучился их языку жестов и выражений, как научился выживать и драться.

Лупа рассказала ему о полубогах, богах и монстрах. Она сообщила ему, что она — один из духов-охранителей Древнего Рима. Полубоги вроде Перси все еще несли ответственность за продолжение римских традиций в современном мире — сражаться с чудовищами, служить богам, защищать смертных и поддерживать память об империи. Она несколько недель обучала его, пока он не стал таким же сильным и коварным, как волк. Когда, по ее мнению, Перси преуспел в волчьей науке, она отправила его на юг, сказав, что, если он выживет и доберется до цели, то, возможно, найдет новый дом и память вернется к нему.

Кажется, этот рассказ не удивил Рейну. Напротив, она приняла его как нечто само собой разумеющееся, кроме одного.

— И у тебя не осталось совсем никаких воспоминаний? — спросила она. — Ты все еще ничего не помнишь?

— Да так... какие-то смутные обрывки. — Перси кинул взгляд на гончих.

Ему не хотелось говорить про Аннабет. Это казалось слишком личным, и он пока еще не понимал, где ее искать. Он был уверен, что они встречались в каком-то лагере, но явно не в этом — этот казался совсем другим.

И еще ему не хотелось делиться этим единственным четким воспоминанием: лицо Аннабет, ее светлые волосы и серые глаза, ее манера смеяться, обхватывать его руками и целовать, если он делал какую-нибудь глупость.

Наверно, она много меня целовала, подумал Перси.

Он боялся, что если заговорит с кем-нибудь об этом воспоминании, то оно рассеется, как дым. Он не хотел этим рисковать.

Рейна крутанула по столешнице свой кинжал.

— Большая часть того, что ты говоришь, вполне типична для полубогов. В определенном возрасте мы тем или иным путем попадаем в Волчье Логово. Там мы проходим испытание и подготовку. Если Лупа находит, что мы достойны, она отправляет нас в легион. Но я никогда не слышала, чтобы кто-то терял память. Как ты нашел лагерь Юпитера?

Перси поведал ей о трех последних днях — о горгонах, которые никак не хотели умирать, о старушке, которая оказалась богиней, и, наконец, о встрече с Хейзел и Фрэнком у туннеля в холме.

В этом месте повествование подхватила Хейзел. Она рассказала, какой Перси герой, какой он храбрый, отчего ему стало неловко. Он всего лишь согласился отнести хипповатую старушку в лагерь.

Рейна разглядывала Перси.

— Для новобранца тебе слишком много лет. Сколько — шестнадцать?

— Кажется...

— Если бы ты жил все эти годы сам по себе, без подготовки или помощи, то тебя бы уже не было. Сын Нептуна? У тебя должна быть мощная аура, которая привлекает всевозможных монстров.

— Да, — сказал Перси. — Они говорили, что у меня запах.

На лице Рейны мелькнула непроизвольная улыбка, и Перси проникся надеждой. Может,

она в конечном счете не лишена человеческих качеств?..

— До Волчьего Логова ты ведь должен был жить где-то, — настаивала она.

Перси пожал плечами. Юнона что-то говорила о том, что он дремал, и у него было какое-то смутное представление, что он спал — и, может, довольно долго. Но это не имело смысла.

Рейна вздохнула.

— Что ж, собаки не сожрали тебя, значит, я думаю, ты говоришь правду.

— Отлично. В следующий раз мне пройти испытание на детекторе лжи?

Рейна встала, принялась ходить туда и обратно перед знаменами. Металлические собаки водили вслед за ней головами.

— Даже если я соглашусь с тем, что ты — не враг, — сказала она наконец, — ты все равно не сможешь стать обычным легионером. Царица Олимпа не появляется просто так в лагере, чтобы сообщить о прибытии нового полубога. Чтобы кто-то из главных богов посещал нас вот так, собственной персоной... — Она покачала головой. — Я об этом только легенды слышала. И сын Нептуна... это нехорошее предзнаменование. В особенности теперь.

— А что плохого в Нептуне? — спросил Перси. — И что ты имеешь в виду, говоря «в особенности теперь»?

Хейзел бросила на него предостерегающий взгляд.

Рейна продолжала расхаживать туда и обратно.

— Ты сражался с сестрами Медузы, которые не появлялись несколько тысяч лет. Ты взбудоражил наших ларов, которые называли тебя грекусом. И на тебе странные символы — эта футболка, бусины на твоём шнурке. Что они значат?

Перси посмотрел на свою оранжевую футболку. Когда-то на ней было что-то написано, но теперь слова выцвели. Ему бы выбросить эту футболку несколько недель назад. Она вся была драная. Но он никак не мог с ней расстаться. Он стирал ее в ручьях, в фонтанах, старался изо всех сил. А потом надевал снова.

Что касается шнурка, то каждая из четырех бусинок была украшена своим символом. На одной был трезубец. На другой — миниатюрное золотое руно. На третьей было вытравлено изображение лабиринта, а на четвертой — здание... может быть, Эмпайр-стейт-билдинг? А вокруг него выгравированы названия, незнакомые Перси. Эти бусинки почему-то казались ему важными, как фотографии из семейного альбома, но он не помнил, что они значат.

— Не знаю.

— А твой меч? — спросила Рейна.

Перси сунул руку в карман. Ручка, как и всегда, вернулась туда. Он ее вытащил, но потом вдруг понял, что не показывал меч Рейне. Хейзел и Фрэнк тоже его не видели. Откуда Рейне стало про него известно?

Делать вид, что его нет, слишком поздно... Он снял колпачок. Анаклузмос вытянулся в полную длину. Хейзел ахнула. Гончие залаяли.

— Это что такое? — спросила Хейзел. — Я такого меча еще не видела.

— А я видела, — мрачно сказала Рейна. — Он очень старый — греческая разновидность. У нас раньше в арсенале было несколько таких... — Она помолчала. — Металл называется небесной бронзой. Он смертелен для монстров, как имперское золото, только встречается реже.

— Имперское золото? — уточнил Перси.

Рейна обнажила свой кинжал. И конечно, клинок у него был золотым.

— Этот металл был освящен в древности в римском Пантеоне. Его существование было тщательно хранимой тайной императоров — их оружием для того, чтобы убивать монстров, которые угрожали существованию империи. У нас было и другое оружие такого рода, но теперь... перебиваемся кое-как. Я пользуюсь этим кинжалом. У Хейзел — спата, кавалерийский меч. Большинство легионеров пользуются более короткими мечами, которые называются «гладиусы». Но твое оружие совсем не римское. Это еще один знак того, что ты — не типичный полубог. И твоя рука...

— Что моя рука?

Рейна подняла свою руку. Прежде Перси не обратил внимания, но у нее на внутренней стороне предплечья была татуировка: буквы SPQR, переkreщенные меч и факел, а ниже четыре параллельные линии, как черточки.

Перси бросил взгляд на Хейзел.

— У нас у всех это есть, — подтвердила та, поднимая руку. — У всех действительных членов легиона.

На татуировке Хейзел тоже имелись буквы SPQR, но у нее была только одна черточка, и эмблема у нее была другая: черный символ-фигурка, напоминающий крест с изогнутыми сверху руками и головой.

Перси посмотрел на свои руки. Несколько царапин, немного грязи, чешуйка от сосиски с тертым сыром, но никаких татуировок.

— Значит, ты никогда не был ни в одном из легионов, — заключила Рейна. — Удалить эти значки невозможно. Я подумала, может... — Она покачала головой, словно отказываясь от этой мысли.

Хейзел подалась вперед.

— Если он в одиночку сумел уцелеть, то, может, он видел Джейсона. — Она повернулась к Перси. — Ты когда-нибудь видел полубогов вроде нас? Парня в пурпурной футболке с отметинами на руке...

— Хейзел. — В голосе Рейны послышалось напряжение. — У Перси и без того хватает проблем.

Перси прикоснулся к кончику своего меча, и Анаклузмос сжался в авторучку.

— Нет, ребята, я никого вроде вас прежде не видел. Кто такой Джейсон?

Рейна посмотрела на Хейзел недовольным взглядом.

— Он мой... Он был командиром, как я. — Она махнула рукой в сторону второго стула. — В легионе обычно два избранных претора. Джейсон Грейс, сын Юпитера, был нашим вторым претором. Но он исчез в октябре.

Перси попытался произвести подсчеты в уме. Во время своего путешествия он не очень следил за календарем, но Юнона упомянула, что сейчас июнь.

— Ты хочешь сказать, что он отсутствует шесть месяцев? И вы не заменили его?

— Он не мог умереть, — запротестовала Хейзел. — Мы не потеряли надежду его найти.

Рейна поморщилась. У Перси возникло такое ощущение, что этот парень, Джейсон, был для нее больше, чем просто товарищем.

— Выборы могут происходить двояко, — сказала Рейна. — Либо легион поднимает кого-то на щит после большого успеха на поле боя — но у нас не было никаких крупных сражений, — либо мы проводим голосование вечером двадцать четвертого июня на Празднике Фортуны. Через пять дней.

Перси нахмурился.

— Фортуна — что это?

— Фортуна — это богиня удачи. То, что происходит на празднике в ее честь, определяет события всего следующего года. Она может подарить лагерю удачу... или жуткое невезение.

Рейна и Хейзел посмотрели на пустую стойку, словно вспоминая о том, что там должно находиться.

Холодок пробежал по коже Перси.

— Праздник Фортуны?.. Об этом говорили горгоны. И Юнона тоже. Они говорили, что в этот день лагерь подвергнется атаке, что-то говорилось о большой сильной богине по имени Гея и армии. И о том, что Смерть нужно освободить... Ты хочешь сказать, что этот день наступает на нынешней неделе?

Пальцы Рейны так сильно сжали рукоятку кинжала, что даже побелели.

— Не смей говорить об этом за пределами принципии, — приказала она. — Я не позволю тебе распространять панику в лагере.

— Значит, так оно и есть... Ты знаешь, что должно случиться? Мы можем это предотвратить?

Перси только что познакомился с этими людьми. Он даже не был уверен, что Рейна ему нравится. Но он хотел им помочь. Они были такими же, как он, полубогами. У них были одни и те же враги. И потом, Перси помнил, что сказала ему Юнона: под угрозу поставлено не только существование лагеря. Может быть уничтожена его прежняя жизнь, боги, весь мир. Он не знал, что надвигается на них, но грядущие события могли стать эпохальными.

— Ну ладно, пока хватит — поговорили, — оборвала его Рейна. — Хейзел, отведи его на Храмовую гору. Найди Октавиана. А по пути можешь ответить на вопросы Перси. Расскажи ему о легионе.

— Хорошо, Рейна.

У Перси еще оставалось множество вопросов — мозг от них просто плавился. Но Рейна ясно дала понять, что аудиенция закончилась. Она убрала кинжал в ножны. Металлические собаки приподнялись и зарычали, надвинувшись на Перси.

— Желаю удачи у авгура, Перси Джексон, — сказала Рейна. — Если Октавиан оставит тебя в живых, то мы, может быть, сравним воспоминания... о твоём прошлом.

IV. Перси

По пути из лагеря Хейзел купила ему у Бомбило, двухголового торговца кофе, эспрессо и сдобную булочку с вишневой начинкой.

Перси проглотил булочку в один присест. Кофе тоже был великолепен. Теперь, подумал Перси, ему еще бы душ принять, сменить одежду и выспаться — и он будет как новенькая монетка. Может быть даже, из имперского золота.

Он увидел группу ребят в плавках и с полотенцами — они заходили в здание, из труб которого валил парок. Изнутри доносились смех и звуки плещущей воды, словно там находился бассейн. Перси был бы не прочь посетить это заведение.

— Бани, — пояснила Хейзел. — Мы сводим тебя туда перед обедом, я надеюсь. Пока не побывал в римской бане — считай, что и не жил.

Перси вздохнул в предвкушении.

По мере приближения к главным воротам казармы становились больше и симпатичнее. Тут даже призраки выглядели лучше — доспехи у них были позамысловатее и аура поярче. Перси попытался расшифровать знамена и символы перед каждым зданием.

— Вы делитесь на разные домики? — спросил он.

— Типа того. — Хейзел пригнулась, когда над ними пролетел парнишка на гигантском орле. — У нас пять когорт, и в каждой приблизительно по сорок человек. Каждая когорта разделена на казармы на десять человек — ну вот, они и живут вместе.

Математика всегда была слабым местом Перси, но он попытался умножить в уме.

— Ты хочешь сказать, что в лагере двести ребят?

— Приблизительно.

— И все они дети богов? Да, боги времени даром не теряли.

Хейзел рассмеялась.

— Не все они дети главных богов. Есть сотни младших римских богов. И потом, многие обитатели лагеря — наследники. Второе или третье поколение. Полубогами были, может, их родители. Или деды и бабки.

Перси моргнул.

— Дети полубогов?

— А что тебя так удивляет?

Перси пожал плечами. В последние недели он был занят одним — как бы ему выжить. Мысль о том, что он доживет до взрослых лет и у него будут свои дети, казалась невероятной.

— Эти... как ты их назвала?

— Наследники, — подсказала Хейзел.

— Вот-вот. Они имеют силу полубогов?

— Иногда — да, иногда — нет. Но их можно обучить. Все лучшие римские полководцы и императоры — они, если ты не знаешь, объявили себя потомками богов. И по большей части они не врали. Лагерный авгур, к которому мы идем, его зовут Октавиан, он наследник, потомок Аполлона. Считается, что он наделен даром пророчества.

— Считается?

— Ну... ты сам увидишь. — Хейзел скорчила кислую мину.

Это замечание не улучшило настроения Перси — в руках у этого типа, Октавиана, его

судьба.

— А эти деления, — спросил он, — когорты, или как там у вас, они по какому принципу... там объединяются дети одного божественного родителя?

Хейзел недоуменно уставилась на него.

— Какая ужасная мысль! Нет, офицеры сами решают, куда отправить новобранца. Если бы нас разделили по богам, то когорты имели бы разную численность. А я вообще осталась бы одна.

Перси испытал укол сочувствия — он словно и сам побывал в такой ситуации.

— Почему? Кто твой родитель?

Она не успела ответить — кто-то за их спиной заорал:

— Стой!

К ним мчался призрак. Это был старик с животом тыковкой и такой длинной тогой, что он постоянно наступал на ее полы. Он подбежал к ним, перевел дыхание. Алая аура переливалась и поблескивала вокруг него.

— Это он? — выдохнул призрак. — Новобранец для пятой?

— Вителлий, — сказала Хейзел, — извини, мы спешим.

Призрак злобно посмотрел на Перси, обошел вокруг него, разглядывая как подержанную машину.

— Не знаю, — проворчал он. — Нам в когарту нужны только лучшие. У него все зубы целы? Он сражаться может? Конюшни умеет чистить?

— Да, да и нет, — сказал Перси. — Кто вы?

— Перси, это Вителлий. — Выражение лица Хейзел говорило: «Не принимай его всерьез!» — Он один из ларов. Интересуется новобранцами.

На ближайшем крыльце захихикали другие призраки, глядя на Вителлия, который принялся вышагивать туда-сюда. При этом он все время наступал на свою тогу и подтягивал пояс с висевшим на нем мечом.

— Да, — сказал Вителлий, — во времена Цезаря — я говорю про Юлия Цезаря, не про кого-нибудь — пятая когорта была не пустым звуком! Двенадцатый легион Фульмината, гордость Рима! А теперь? Позорище! Вот до чего мы докатились. Ты посмотри на Хейзел с ее спатой. Смешное оружие для римского легионера — этим мечом пользовались кавалеристы! А ты, парень... от тебя несет, как от греческой помойки. Ты что — в бане не бывал?

— Занят был — сражался с горгонами, — сказал Перси.

— Вителлий, — вмешалась Хейзел, — прежде чем Перси сможет поступить в когарту, он должен побывать у авгура. Ты бы лучше нашел Фрэнка. Он в арсенале проводит учет оружия. Ты же знаешь, как он ценит твою помощь.

Пышные алые брови призрака взлетели вверх.

— О, Марс всемогущий! Они позволяют новичку на испытательном сроке производить учет оружия! Нас всех ждет гибель!

Вителлий заковылял по улице, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы подтянуть меч и подобрать тогу.

— Прррекрасно, — проговорил Перси.

— Извини, — сказала Хейзел. — Он такой необычный, но это один из самых старых ларов. Он известен со времени основания легиона.

— Как он назвал легион — Фульмината?

— Вооруженный молниями, — перевела Хейзел. — Это наш девиз. Двенадцатый легион существовал все время, пока существовала и империя. Когда империя пала, многие легионы исчезли. Мы ушли в подполье, действовали по тайным приказам самого Юпитера: оставаться живыми, набирать полубогов и их детей, не дать умереть Риму. С тех пор мы и заняты этим. Перемещаемся туда, где влияние Рима сильнее всего. Последние несколько веков мы обитаем в Америке.

Звучало странно, но Перси вполне мог поверить в эти слова. Напротив, они даже показались ему знакомыми, словно он всегда это знал.

— А ты из пятой когорты, — высказал он предположение. — И эта когорта, кажется, не самая популярная?

Хейзел нахмурилась.

— Да, я поступила в нее в прошлом сентябре.

— Значит... за несколько недель до того, как исчез этот парень — Джейсон.

Перси понял, что наступил на большую мозоль. Хейзел опустила взгляд. Она замолчала надолго — за это время все плитки на мостовой можно было сосчитать.

— Идем, — сказала она наконец. — Я тебе покажу мой любимый вид.

Они остановились за главными воротами. Лагерь располагался на самой высокой точке долины, так что им было видно почти все.

Дорога шла к реке, где разделялась. Одна развилка вела на юг, через мост на холм со всеми стоящими на нем храмами. Другая дорога — на север в город, представлявший собой миниатюрную копию Древнего Рима. В отличие от военного лагеря город имел вид довольно беспорядочный, но красочный, здания вкривь и вкось лепились друг к другу. Даже с такого расстояния Перси видел, что на площади собрались люди, на открытом рынке толклись торговцы, в парках играли малыши.

— Так тут у вас и семьи есть? — спросил он.

— В городе — конечно. Когда тебя принимают в легион, ты должен прослужить десять лет. А уволившись, можешь идти куда угодно. Большинство полубогов уходят в мир смертных. Но для некоторых находиться там довольно опасно. Эта долина — святилище. В городе можно поступить в колледж, жениться или выйти замуж, обзавестись детьми, а состарившись, уйти на пенсию. Для людей вроде нас это единственное безопасное место. Так что многие ветераны действительно поселяются там под защитой легиона.

Взрослые полубоги. Полубоги, которые живут, не зная страха, обзаводятся семьями, детьми... У Перси эта мысль в голове не укладывалась. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Но если долина подвергнется нападению?

Хейзел нахмурилась.

— У нас есть оборонительные укрепления. Магические границы. Но теперь наши силы не те, что прежде. В последнее время нападения монстров становятся все более частыми. То, что ты говорил о неумирающих горгонах... мы теперь сталкиваемся с этим, когда имеем дело с другими монстрами.

— И ты знаешь, в чем причина?

Хейзел отвернулась. Перси чувствовал: она что-то скрывает, что-то такое, о чем ей запрещено говорить.

— Это... это все сложно, — сказала она. — Мой брат говорит, что Смерть не...

Ее прервал рев слона.

Кто-то позади них крикнул:

— Дорогу!

Хейзел оттащила Перси в сторону, и мимо них проехал полубог на взрослом звере с хоботом в доспехах из черного кевлара. Понизу доспехов было написано «СЛОН», что показалось Перси некоторым излишеством.

Слон протопал по дороге, потом повернул на север, направляясь к большому открытому полю, где возводились какие-то фортификационные сооружения.

— Что это?.. — Перси закашлялся и сплюнул пыль изо рта.

— Слон.

— Я умею читать. Зачем на слоне пуленепробиваемые доспехи?

— Сегодня вечером военные игры, — сказала Хейзел. — Это Ганнибал. Если бы его не взяли, он бы обиделся.

— Ну, этого мы себе не можем позволить.

Хейзел рассмеялась. Трудно было поверить, что всего минуту назад она выглядела такой мрачной. Интересно, что она собиралась сказать, подумал Перси. У нее есть брат. Но в то же время она заявила, что осталась бы одна, если бы их разделяли по богам-родителям.

Одно с другим не вязалось. Хейзел казалась милой, легкой в общении и выглядела довольно взрослой для тринадцатилетней девчонки. Но еще создавалось впечатление, что она скрывала какую-то печальную тайну, словно была в чем-то виновата.

Хейзел показала на юг через реку. Над Храмовой горой собирались тучи. Пурпурные отблески молний высвечивали статуи.

— Октавиан занят, — сказала Хейзел. — Нам лучше пойти туда.

По пути они встретили козлоногих ребят, которые брели вдоль дороги.

— Хейзел! — крикнул один из них.

«Козленок» засеменил к ним, ухмыляясь во весь рот.

На нем была выцветшая гавайская рубашка, а вместо брюк — один густой козий мех. Кучерявая копна волос подпрыгивала в такт его шагам. Глаза были спрятаны за небольшими круглыми радужными очками. Он держал в руках картонку с надписью: «~~НО РАБОТАЮ СНОЮ РАССКАЖУ СТИХ~~ ПОЙДУ ВОН ЗА ДЕНАРИИ».

— Привет, Дон, — сказала Хейзел. — Извини, но у нас нет времени...

— Это круто! Круто! — Дон засеменил рядом с ними. — Это новенький? — Он улыбнулся Перси. — У тебя есть три денария на автобус? Потому что я забыл кошелек дома, а мне нужно добраться на работу и...

— Дон, — укоризненно покачала головой Хейзел, — у фавнов не бывает кошельков. И работы. И домов. И автобусов у нас нет.

— Верно, — весело согласился он. — А денарии у тебя есть?

— Тебя зовут Дон, фавн? — спросил Перси.

— Да. А что?

— Ничего. — Перси старался сохранить серьезное выражение. — Почему у фавнов не бывает работы? Разве они не работают в лагере?

— Фавны! Работают в лагере! Умора! — проблеял Дон.

— Фавны — это свободные духи, — объяснила Хейзел. — Они тут гуляют, потому что здесь безопасно гулять и попрошайничать. Мы их терпим, но...

— Ах, Хейзел просто великолепна! — перебил Дон. — Она такая милая! Все другие обитатели лагеря говорят: «Пошел вон, Дон». А она другая. Она говорит: «Дон, пожалуйста, пошел вон». Я ее обожаю!

Фавн казался безобидным, но все же его присутствие вызывало у Перси беспокойство. Он не мог избавиться от ощущения, что фавны — это нечто большее, чем бездельники, кланчащие денарии.

Дон посмотрел на землю перед ними и воскликнул:

— Вот это повезло!

Он потянулся к чему-то, но Хейзел крикнула:

— Дон, нет!

Она оттолкнула его и подобрала что-то маленькое, сверкающее. Перси мельком увидел этот предмет прежде, чем Хейзел сунула его себе в карман. Он мог бы поклясться, что это алмаз.

— Слушай, Хейзел, — жалобным голосом сказал Дон, — на это я мог бы купить себе пончиков на год!

— Дон, пожалуйста, пошел вон.

Голос Хейзел звучал взволнованно, словно она только что спасла Дона от злобного пуленепробиваемого слона.

Фавн вздохнул.

— Ну что поделаешь — не могу на тебя долго злиться. Но клянусь, похоже, тебе здорово везет. Каждый раз, когда ты гуляешь...

— Пока, Дон, — быстро проговорила Хейзел. — Пошли, Перси.

Она прибавила шаг, Перси пришлось припустить бегом, чтобы угнаться за ней.

— Что все это значит? — спросил Перси. — Этот алмаз на дороге...

— Пожалуйста... не спрашивай.

Оставшуюся часть пути до Храмовой горы они проделали молча.

Извилистая каменистая тропинка вела мимо безумного нагромождения крохотных алтарей, массивных, увенчанных куполами арок. Статуи богов, казалось, провожали Перси глазами.

Хейзел указала на храм Беллоны.

— Богиня войны, — сказала она. — Это мать Рейны.

Потом они прошли мимо здоровенного склепа, украшенного человеческими черепами и металлическими пиками.

— Пожалуйста, не надо меня туда вести, — попросил Перси.

— Это храм Марса Ультора.

— Марса... Ареса — бога войны?

— Это греческое имя, — сказала Хейзел. — Но это в принципе одно и то же лицо. Ультор означает «мститель». Он второй по важности римский бог.

Перси без особого энтузиазма выслушал это. По какой-то причине один только вид этого уродливого красного сооружения вызывал у него ожесточение.

Он показал на вершину. Над самым большим храмом клубились тучи, куполообразная крыша покоилась на белых колоннах, окольцевавших круглый павильон.

— А это, вероятно, храм Зевса... то есть Юпитера? Мы туда направляемся?

— Да, — нетерпеливо сказала Хейзел. — Там занимается пророчествами Октавиан. Храм Юпитера Оптима Максима.

Перси задумался, но латинские слова перевелись сами:

— Юпитера... лучшего и величайшего?

— Именно.

— А какой титул у Нептуна? — поинтересовался Перси. — Прохладнейший и ужаснейший?

— Ммм... не совсем. — Хейзел показала на небольшое синее здание размером с садовый сарай. Над дверью был приколотен затянутый паутиной трезубец.

Перси заглянул внутрь. На маленьком алтаре стояла чаша с тремя засохшими, заплесневелыми яблоками.

Сердце у него упало.

— Да, часто посещаемое местечко.

— Мне жаль, Перси. Дело в том... римляне всегда с опаской относились к морю. Они садились на корабли, только если другого выхода не было. Даже в наше время считается, что сын Нептуна в лагере — дурное предзнаменование. В последний раз сын Нептуна поступал в легион в... тысяча девятьсот шестом году, когда лагерь Юпитера располагался за заливом Сан-Франциско. Тогда случилось это катастрофическое землетрясение...

— И ты хочешь сказать, что его причиной был сын Нептуна?

— Так говорят. — Хейзел посмотрела на него с извиняющимся видом. — Но в любом случае римляне боятся Нептуна и не очень любят.

Отлично, подумал Перси. Даже если его впустят в лагерь, любви ему ждать не придется. В лучшем случае его будут побаиваться. Может быть, если он добьется каких-то успехов, то и ему дадут несколько заплесневелых яблок.

И все же... стоя перед алтарем Нептуна, он испытал какой-то трепет, словно волны пробежали по его жилам.

Перси вытащил из рюкзака последнюю еду, остававшуюся у него от путешествия, — черствую баранку. Немного, но он все же положил баранку на алтарь.

— Привет... па. — Он чувствовал себя идиотом, разговаривающим с чашей заплесневелых фруктов. — Если ты слышишь, помоги мне, ладно? Верни мне мою память. Скажи мне... скажи, что мне делать.

Голос у него задрожал. Перси не любил просить и тем более жаловаться, но он так устал и был испуган, а еще так давно потерялся, что многое бы отдал за то, чтобы у него появился хоть какой-то наставник. Он хотел узнать что-нибудь о своей жизни — узнать наверняка, а не отыскивать пропавшие воспоминания.

Хейзел положила руку ему на плечо.

— Все будет в порядке. Теперь ты здесь. Ты — один из нас.

Перси чувствовал себя неловко, принимая сочувствие от девчонки-восьмиклашки, которую едва знал. Но Перси был рад, что она рядом.

— Октавиан почти закончил, — сказала Хейзел. — Идем.

В сравнении с сараем Нептуна храм Юпитера явно был «Оптим и Максим».

Мраморный пол покрывали мозаика и латинские надписи. Сводчатый потолок в шестидесяти футах над головой отливал золотом. Весь храм был открыт ветру.

В центре располагался мраморный алтарь, на котором парнишка в тоге исполнял какой-то ритуал перед громадной золотой статуей самой «большой шишки» этих мест: Юпитера, бога небес, одетого в шелковую пурпурную тогу размером не меньше, чем XXXL. В руке бог

держал молнию.

— Что-то тут не так, — пробормотал Перси.

— Что? — переспросила Хейзел.

— Да вот эта молния, — ответил Перси.

— Ты это о чем?

— Я... — Перси нахмурился. На мгновение ему показалось, что он что-то вспомнил, но это ощущение сразу исчезло. — Да нет, пожалуй, ничего.

Парнишка у алтаря поднял руки. И опять алые молнии сорвались с неба, сотрясая храм. Он опустил руки, и грохот прекратился. Цвет туч сменился с серого на белый, они стали расходиться.

Да, впечатляющий трюк, если учесть, что паренек внешне ничего особенного собой не представлял: высокий, худой, с соломенными волосами, в мешковато сидящих джинсах, большой не по размеру футболке и ниспадающей тоге. Он был похож на пугало в простыне.

— Что это он делает? — прошептал Перси.

Парнишка в тоге повернулся. У него была кривоватая улыбка и отстраненный, затуманенный взгляд, словно он слишком долго просидел за компьютерной игрой. В одной руке он держал нож, в другой — что-то вроде мертвого животного, отчего паренек казался еще более сумасшедшим.

— Перси, — сказала Хейзел. — Это Октавиан.

— Грекус! — провозгласил Октавиан. — Очень интересно.

— Привет, — отозвался Перси. — Ты что — убиваешь зверушек?

Октавиан посмотрел на пушистую шгуковину в руке и рассмеялся.

— Нет-нет. Когда-то так оно и было. Мы читали волю богов по внутренностям животных — кур, козлов и всяких других. А теперь мы пользуемся вот этим.

Он швырнул пушистую шгуку Перси. Это был плюшевый медвежонок без опилок внутри. И тут Перси увидел, что у ног статуи Юпитера лежит целая куча выпотрошенных плюшевых зверушек.

— Ты это серьезно? — спросил Перси.

Октавиан спустился с возвышения. Ему было лет восемнадцать, но при его худобе и бледности он вполне мог сойти за подростка. На первый взгляд он казался безобидным, но Перси, приглядевшись к нему повнимательнее, подумал, что, возможно, это ошибочное впечатление. Глаза Октавиана горели таким ненасытным любопытством, словно он был готов выпотрошить Перси с такой же легкостью, с какой потрошил плюшевых медвежат, — если бы мог таким образом узнать что-нибудь новенькое.

Октавиан прищурился.

— Ты, кажется, нервничаешь.

— Кого-то ты мне напоминаешь, — сказал Перси. — Не могу вспомнить — кого.

— Возможно, моего тезку Октавиана — Августа Цезаря. Все говорят, что я здорово на него похож.

Перси думал, что дело не в этом, но воспоминания ускользали от него.

— Почему ты назвал меня греком?

— Я видел это по внутренностям. — Октавиан ткнул ножом в сторону алтаря. — По ним я прочел: «Грек прибыл». Или, может быть, «Гусь прокричал». Думаю, что верна первая интерпретация. Ты хочешь поступить в легион?

Ответила Октавиану Хейзел. Она рассказала ему все, что случилось с момента их

встречи в туннеле, — о горгонах, схватке на реке, появлении Юноны, разговоре с Рейной.

Стоило ей упомянуть Юнону, как на лице Октавиана появилось удивленное выражение.

— Юнона, — задумчиво произнес он. — Мы называем ее Юнона Монета. Юнона Советчица. Она появляется во времена кризисов, подает Риму знак о серьезных угрозах.

Он скользнул взглядом по Перси, словно говоря: «Например, о таинственных греках».

— Я слышал, что на этой неделе будет Праздник Фортуны, — сказал Перси. — Горгоны говорили, что в этот день произойдет вторжение. Ты по своим внутренностям ничего такого не видел?

— К сожалению, нет, — вздохнул Октавиан. — Волю богов трудно предсказать. А в последнее время мои видения становятся все туманнее.

— А у вас нет... я не знаю, ну, там оракула какого-нибудь?

— Оракула! — Октавиан улыбнулся. — Интересная мысль. Нет, боюсь, мы избавились от оракулов. Но если бы мы обратились к книгам Сивиллы, как я советовал...

— Каким вилам? — не понял Перси.

— Это книги пророчеств, — пояснила Хейзел. — Октавиан одержим ими. Римляне всегда обращались к этим книгам, когда случались несчастья. Большинство людей считает, что книги сгорели, когда Рим пал.

— Некоторые люди так считают, — поправил ее Октавиан. — К сожалению, наше нынешнее начальство не разрешает отправиться на их поиск...

— Потому что Рейна не дура, — сказала Хейзел.

— ...и потому у нас есть только какие-то обрывки из этих книг, — продолжил Октавиан. — Несколько таинственных предсказаний вроде этих.

Он кивнул, показывая на мозаичные слова на мраморном полу. Перси уставился на эти строки, вовсе не ожидая, что поймет их смысл. И чуть не поперхнулся от неожиданности.

— Вот это. — Он показал на слова и тут же стал переводить вслух: — «На зов ответят семь полукровок, в огне и буре мир гибнет снова...»

— Да-да. — Октавиан закончил, не глядя: «Клятву сдержи на краю могилы, к Вратам смерти идут вражьи силы».

— Я... я это знаю. — Перси показалось, что гром снова сотряс храм. Потом он понял, что трясется все его тело. — Это важно.

Октавиан выгнул бровь.

— Конечно, это важно. Мы называем это пророчеством семи, но ему несколько тысяч лет. Мы не знаем, что оно означает. Каждый раз, когда кто-то пытается его истолковать... Ну вот, Хейзел может тебе подтвердить. Случается что-нибудь плохое.

Хейзел просительно посмотрела на Октавиана.

— Сделай предсказание для Перси, Октавиан. Может он вступить в легион или нет?

Перси почти что видел, как мечутся мысли Октавиана, прорицатель прикидывал, может ли быть от Перси какая-то польза лично для него. Он протянул руку к рюкзаку Перси.

— Хорошая штучка. Ты позволишь?

Перси не понял, что тот имеет в виду, но Октавиан схватил подушечку в виде панды, торчавшую из рюкзака. Это была обычная набивная игрушка, но Перси давно носил ее с собой. Она ему нравилась. Октавиан повернулся к алтарю и поднял нож.

— Эй! — протестующе закричал Перси.

Октавиан вспорол брюхо панды и высыпал набивку на алтарь. Плюшевую оболочку он отшвырнул в сторону, пробормотал несколько слов над просыпавшимися опилками и

повернулся с улыбкой во весь рот.

— Хорошие новости! — сказал он. — Перси может вступить в легион. Мы назначим его в когарту на вечернем собрании. Скажи Рейне, что я одобряю.

— Ммм... отлично. — Плечи Хейзел расслабились. — Идем, Перси.

— Да, Хейзел, — вкрадчиво сказал Октавиан, — я рад поздравить Перси с вступлением в легион, но когда придет время выбирать претора, я надеюсь, ты не забудешь...

— Джейсон жив, — отрезала Хейзел. — Ты — авгур. Ты должен его искать!

— Я и ищу! — Октавиан показал на алтарь. — Я каждый день консультируюсь с богами! К сожалению, прошло восемь месяцев, но я так ничего и не нашел. Я, конечно, продолжаю поиски. Но если Джейсон не появится к Празднику Фортуны, мы должны будем действовать. Мы не можем больше терпеть вакуум во власти. Я полагаю, ты поддержишь мою кандидатуру на должность претора. Для меня это будет очень много значить.

— Я? Поддержу? Тебя? — Хейзел сжала кулаки.

Октавиан снял тогу, положил ее и нож на алтарь. Перси обратил внимание на семь черточек на руке Октавиана — семь лет в лагере, догадался он. Знаком Октавиана была арфа — символ Аполлона.

— В конечном счете, — сказал Октавиан, глядя на Хейзел, — я ведь тоже когда-нибудь тебе помогу. Какой позор, если эти жуткие слухи, что ходят про тебя по лагерю... упаси боги, если они подтвердятся.

Перси сунул руки в карман и схватился за шариковую ручку. Этот тип шантажирует Хейзел. Это очевидно. Один знак от Хейзел — и Перси готов был вытащить свой меч и проверить, как Октавиан чувствует себя на его острие.

Хейзел глубоко вздохнула. Костяшки пальцев у нее побелели.

— Я подумаю об этом.

— Отлично, — кивнул Октавиан. — Кстати, тут твой брат.

— Мой брат? — Хейзел напряглась. — Что он здесь делает?

Октавиан пожал плечами.

— А что он может здесь делать? Ждет тебя у святилища твоего отца. Просто... не приглашай его оставаться слишком долго. Он оказывает плохое воздействие на других. А теперь извини меня, я должен продолжить поиски нашего бедного друга Джейсона. Рад был познакомиться, Перси.

Хейзел стрелой выскочила из павильона. Перси последовал за ней. Он был уверен, что никогда еще с таким облегчением не покидал храм.

Хейзел, спускаясь по склону, бранилась по-латински. Перси понимал не все, но он разобрал «сын горгоны» и «властолюбивая змея», а также несколько предположений насчет того, куда Октавиан может засунуть свой нож.

— Я ненавижу этого парня, — сказала она уже не на латыни. — Будь моя воля...

— Он ведь не будет избран претором? — спросил Перси.

— Хотелось бы мне быть уверенной. У Октавиана много друзей. Большинство из них он подкупил. А остальные обитатели лагеря боятся его.

— Боятся этого тощего недоростка?

— Ты его недооцениваешь. Рейна сама по себе еще ничего, но если ей придется поделиться властью с Октавианом... — Хейзел пробрала дрожь. — Пойдем-ка к моему брату. Он наверняка захочет с тобой познакомиться.

Перси не стал спорить. Он хотел увидеть этого таинственного брата и, может быть, узнать что-то о происхождении Хейзел. Кто ее отец, какие тайны она скрывает? Перси не мог поверить, что она совершила что-то плохое и теперь мучится чувством вины. Хейзел казалась ему такой правильной. Но Октавиан держался так, будто у него был на нее самый грязный компромат.

Хейзел повела Перси к черному склепу в склоне холма. Перед этим сооружением стоял парнишка в черных джинсах и пилотской куртке.

— Привет, — сказала Хейзел. — Я привела тебе друга.

Парень повернулся. С Перси опять случилась эта странность: перед глазами мелькнула какая-то вспышка, словно он уже видел этого типа прежде. Парень был такой же бледный, как Октавиан, но отличался от него темными глазами и копной черных волос. Он ничуть не походил на Хейзел. На пальце у него был перстень с изображением черепа, вместо ремня — цепочка, черная футболка, расписанная черепами. На боку висел совершенно черный меч.

Увидев Перси, парень на долю секунды, казалось, впал в прострацию, даже запаниковал, словно оказался в луче прожектора.

— Это Перси Джексон, — сказала Хейзел. — Он хороший парень. Перси, это мой брат. Сын Плутона.

Парень преодолел потрясение и протянул руку.

— Рад познакомиться, — сказал он. — Меня зовут Нико ди Анджело.

У Хейзел было такое ощущение, будто она познакомилась друг с другом две атомные бомбы и теперь ждет, какая из них взорвется первой.

До этого утра ее брат Нико был самым сильным из известных ей полубогов. Другие обитатели лагеря Юпитера смотрели на него как на странствующего чудака, почти такого же безобидного, как фавны. Но Хейзел понимала, что это не так. Она выросла не с Нико. И даже узнала его совсем недавно. Но она знала, что Нико опаснее Рейны, или Октавиана, или даже Джейсона.

Потом она познакомилась с Перси.

Хейзел увидела его, когда он ковылял по шоссе со старушкой на руках, и тогда подумала, что это может быть переодетый бог. Хотя у Перси был побитый, грязный вид, а от усталости он едва волочил ноги, вокруг него клубилась аура силы. И внешним видом он напоминал римских богов: глаза цвета моря и черные волосы, развеваемые ветром.

Она приказала Фрэнку не стрелять. Решила, что боги, возможно, испытывают их. Хейзел слышала такие легенды: парень со старушкой просит убежища, а когда грубияны-смертные отказывают ему — хлоп, и их тут же превращают в банановую шкурку.

Потом Перси на ее глазах управлял рекой и уничтожил горгон. Он превратил авторучку в бронзовый меч. При его появлении весь лагерь всколыхнулся и заговорил о «грекусе».

Сын морского бога...

Когда-то давно Хейзел было предсказано, что ее спасет потомок Нептуна. Но сможет ли Перси и в самом деле снять с нее проклятие? Нет, надеяться на это не стоило.

Перси и Нико обменялись рукопожатием. Они настороженно разглядывали друг друга, а Хейзел боролась с желанием броситься наутек. Если эти двое схватятся за свои магические мечи, то дело может принять дурной оборот.

Вид у Нико вовсе не был устрашающим. Тощий и неуклюжий в помятой черной одежде — как всегда, то, что он носил, выглядело так, будто он во всем этом спал.

Хейзел помнила, как увидела его в первый раз. Когда он впервые обнажил свой черный меч, она чуть не рассмеялась. Называл он свое оружие «стигийская сталь» и делал это с таким серьезным лицом, что даже смешно становилось. Этот худой белокожий парнишка казался никудышным бойцом. Она никак не могла поверить, что они — родня.

Но ее мнение о Нико быстро изменилось.

Перси нахмурился.

— Я... я тебя знаю.

Брови Нико взлетели вверх.

— Знаешь? — Он посмотрел на Хейзел в ожидании объяснения.

Хейзел помедлила. Что-то в реакции брата насторожило ее. Он изо всех сил старался показать, что ничего не случилось, но она заметила, что когда брат увидел Перси, то он впал в панику. Нико знал Перси. Она была в этом уверена. Почему он делает вид, будто это не так?

Хейзел заставила себя заговорить.

— Понимаешь... Перси потерял память. — Она рассказала брату, что произошло после появления Перси у ворот.

— И вот, Нико... — осторожно продолжила она, — я подумала... ну, ты ведь много путешествовал. Может, ты встречался с полубогами вроде Перси раньше или...

Выражение лица Нико стало мрачным, как Тартар. Хейзел не могла понять почему, но уяснила: тему разговора надо поменять.

— Эта история об армии Геи... — сказал Нико. — Ты предупредил Рейну?

Перси кивнул.

— Кстати, а кто такая Гея?

У Хейзел во рту пересохло. От одного только имени... Она изо всех сил старалась не упасть — колени у нее подгибались. Она вспомнила мягкий сонный голос женщины, сверкающую пещеру и ощущение, будто ее легкие наполнились густой черной нефтью.

— Она богиня земли. — Нико посмотрел на землю, словно та могла подслушать его. — Старейшая из богинь. Большую часть времени она погружена в глубокий сон, но она ненавидит богов и их детей.

— Мать-земля — она что, злобная?

— Очень, — мрачно ответил Нико. — Она убедила своего сына титана Кроноса... то есть я хотел сказать Сатурна... убить его отца Урана и захватить власть в мире. Титан правил долго, а потом его дети, боги Олимпа, свергли его.

— Кажется, история знакомая... — Голос Перси звучал удивленно, словно старые воспоминания частично всплыли на поверхность. — Но вот про Гею я ничего не слышал.

Нико пожал плечами.

— Она взбесилась, когда власть взяли боги. Она взяла себе нового мужа — Тартара, духа бездны, — и породила новую расу гигантов. Они попытались уничтожить гору Олимп, но боги, в конечном счете, взяли над ними верх. По крайней мере... в первый раз.

— В первый раз? — переспросил Перси.

Нико посмотрел на Хейзел. Наверно, он не стремился пробуждать в ней чувство вины, но она ничего не могла с собой поделать. Если Перси узнает о ней правду... тот ужас, что она натворила...

— Прошлым летом, — продолжил Нико, — Сатурн попытался вернуться. Случилась вторая война титанов. Римляне из лагеря Юпитера взяли штурмом его штаб-квартиру на горе Отрис по другую сторону залива и уничтожили его трон. Сатурн исчез... — Он помедлил, глядя на Перси.

У Хейзел возникло впечатление, что ее брат нервничает, опасаясь, как бы к Перси не вернулась память.

— Так вот, — вновь заговорил Нико, — Сатурн, вероятно, снова рухнул в бездну. Мы все решили, что война закончилась. Но похоже, что поражение титанов рассердило Гею. Она просыпается. Я слышал, что гиганты начинают возрождаться. Если они собираются снова бросить вызов богам, то, возможно, начнут с уничтожения полубогов...

— Ты говорил об этом Рейне? — спросил Перси.

— Конечно. — Нико выпятил челюсть. — Римляне мне не доверяют. Вот почему я надеялся, что она прислушается к тебе. Дети Плутона... я не обижаюсь, но они считают, что мы даже еще хуже, чем дети Нептуна. Мы приносим несчастье.

— Но они же позволили Хейзел остаться здесь, — заметил Перси.

— Это другое дело, — сказал Нико.

— Почему?

— Перси, — вмешалась Хейзел, — понимаешь, гиганты — это еще не самое плохое. Даже... даже Гея — не худшая проблема. Наша главная проблема — это то, на что ты обратил внимание, сражаясь с горгонами: они не умирают. — Она посмотрела на Нико. Она теперь

опасно приблизилась к собственной тайне, но Хейзел почему-то доверяла Перси. Может, потому, что он тоже был чужаком, может, потому, что он спас Фрэнка в реке. Он заслуживал правды: должен был знать, что им предстоит.

— Мы с Нико, — осторожно проговорила она, — думаем, происходит вот что... Смерть не...

Хейзел не успела закончить — ее прервал крик, донесшийся от подножия холма.

К ним бежал Фрэнк. Руки у него были в смазке после чистки оружия.

Как всегда при виде Фрэнка, сердце у Хейзел исполнило маленький танец с кульбитами, что сильно ей досаждало. Да, он, конечно, был ее добрым другом, одним из немногих людей в лагере, который не относился к ней так, будто она — зачумленная. Но он нравился ей по-другому.

Фрэнк был на три года старше ее и не выглядел таким уж красавцем принцем — странное сочетание детской мордашки и коренастой борцовой фигуры. Он напоминал такого медвежонка коала с накаченными мускулами. Оттого что все в лагере всегда пытались соединить их («Два самых больших лузера в лагере. Вы, ребята, идеально друг другу подходите!»), Хейзел исполнялась все большей решимости не симпатизировать ему.

Но сердце ее не хотело следовать заданной программе. Как только появлялся Фрэнк, оно начинало сходить с ума. Она ничего такого не чувствовала со времени... со времени Сэмми.

Прекрати, приказала себе Хейзел. Ты здесь по одной-единственной причине — и вовсе не для того, чтобы обзавестись бойфрендом.

И потом, Фрэнку ее тайна была неизвестна. Если бы он знал, то вел бы себя с ней иначе.

Он добежал до святилища.

— Привет, Нико...

— Фрэнк. — Нико улыбнулся. Похоже, Фрэнк казался Нико забавным, может, потому, что он был единственным человеком в лагере, у кого присутствие детей Плутона не вызывало аллергии.

— Рейна послала меня за Перси, — объяснил Фрэнк. — Октавиан принял тебя?

— Да, — ответил Перси. — Он распотрошил мою панду.

— Он... а-а-а. Гадание по внутренностям? Да, плюшевых мишек, наверно, по ночам мучают кошмары из-за этого парня. Но ты принят! Тебе нужно привести себя в порядок перед вечерним собранием.

Хейзел вдруг поняла, что солнце склоняется к горизонту. Как это день прошел так быстро?

— Ты прав, — сказала она, — нам, пожалуй, лучше...

— Фрэнк, — оборвал ее Нико, — ты бы проводил Перси вниз, а мы с Хейзел скоро спустимся.

«Так-так», — подумала Хейзел, пытаясь прогнать озабоченное выражение с лица.

— Да... неплохая мысль, — выдавила она. — Вы идите, ребята. Мы вас догоним.

Перси снова посмотрел на Нико, словно все еще пытался вспомнить.

— Мне бы хотелось еще с тобой поговорить. Не могу отделаться от чувства...

— Конечно, — согласился Нико. — Позднее. Я останусь в лагере на ночь.

— Да? — пробормотала Хейзел.

Обитателям лагеря это точно придется не по душе: сын Нептуна и сын Плутона появляются в один и тот же день. Теперь им еще не хватает нескольких черных котов и

разбитых зеркал.

— Ступай, Перси, — сказал Нико. — Устраивайся. — Потом он повернулся к Хейзел, и она подумала, что худшее в этот день еще впереди. — Мне нужно поговорить с сестрой.

— Ты ведь его знаешь? — спросила Хейзел.

Они сидели на покрытой костями и алмазами крыше святилища Плутона. Насколько это было известно Хейзел, кости там всегда были. А алмазы были на ее совести. Стоило ей где-нибудь засидеться или просто занервничать, они начинали повсюду выскакивать вокруг нее, как грибы после дождя. На крыше сверкали алмазы общей стоимостью в несколько миллионов долларов, но, к счастью, другие обитатели лагеря к ним не прикасались. Ребята знали, что воровать в храмах не стоит, — в особенности в храме Плутона, — а фавны сюда никогда не приходили.

Хейзел вздрогнула, вспомнив сегодняшнюю стычку с Доном. Если бы она не оказалась такой проворной и не подняла алмаз с дороги... ей даже думать об этом не хотелось. Ей ни к чему, чтобы на ее совести была еще одна смерть.

Нико болтал ногами, как маленький мальчишка. Его меч стигийской стали лежал сбоку рядом со спатой Хейзел. Он оглядывал долину, где на Марсовом поле работали строители — сооружали укрепления для вечерних игр.

— Перси Джексон. — Он произнес это имя как заклинание. — Хейзел, я должен тщательно подбирать слова. Тут происходят важные вещи. Некоторые тайны должны оставаться тайнами. И ты в первую очередь должна это понимать.

— Но он не похож... не похож на меня. — Щеки у Хейзел зарумянились.

— Нет, — ответил Нико. — Извини, но большего я тебе не могу сказать. Я не могу вмешиваться. Перси сам должен разобраться, как ему вести себя в лагере.

— Он опасен? — спросила она.

— Очень. — Нико сдержанно улыбнулся. — Для своих врагов. Но для лагеря Юпитера он не представляет угрозы. Ты ему можешь доверять.

— Так же, как тебе, — с горечью сказала Хейзел.

Нико покрутил на пальце свой перстень с черепом.

Кости вокруг него начали подрагивать, словно собираясь сложиться в скелет. Если Нико впадал в хандру, то оказывал на мертвых такое вот воздействие — что-то вроде проклятия Хейзел. Они разделяли между собой две сферы, которые контролировал Плутон: смерть и богатство. Иногда Хейзел казалось, что Нико повезло больше.

— Слушай, я знаю, что это нелегко, — сказал Нико. — Но тебе предоставляется вторая возможность. Ты можешь все исправить.

— Ничего тут не исправишь, — вздохнула Хейзел. — Если они узнают обо мне правду...

— Не узнают, — пообещал он Хейзел. — Скоро они объявят поиск. Им придется это сделать. Я буду гордиться тобой. Верь мне, Бья...

Он оборвал себя на полуслове, но Хейзел знала, что он чуть было не назвал ее Бьянкой. Так звали настоящую сестру Нико — ту, с которой он вырос. Нико мог питать родственные чувства к Хейзел, но ей никогда не заменить ему Бьянку. Хейзел была для него второй по значимости... за неимением лучшего — утешительный приз от Царства Мертвых.

— Извини, — сказал Нико.

Во рту у Хейзел появился металлический привкус, словно у нее под языком образовывались золотые слитки.

— Так это правда насчет Смерти? Это козни Алкионея?

— Я думаю, да. В Царстве Мертвых дела идут неважно. Папа с ума сходит, пытаюсь удержать ситуацию под контролем. Судя по тому, что Перси рассказал о горгонах, здесь тоже дела идут плохо. Но ведь для этого ты здесь и появилась. Все, что было у тебя в прошлом... ты можешь из этого извлечь немалую пользу. Твое место здесь — в лагере Юпитера.

Эта мысль показалась ей такой смешной, что Хейзел расхохоталась. Ее место было вовсе не в лагере Юпитера. И даже не в этом веке.

Она знала, что о прошлом ей лучше не думать, но Хейзел помнила тот день, когда ее прежняя жизнь рухнула. Она вырубилась с такой скоростью, что у нее даже не было времени сказать «ой-ой». Хейзел перенеслась назад во времени. Не сон и не видение... воспоминания накатили на нее с такой идеальной ясностью, что ей даже показалось, будто она и в самом деле присутствует там.

Ее последний день рождения. Хейзел только что исполнилось тринадцать. Но не в прошлом декабре, а семнадцатого декабря тысяча девятьсот сорок первого года, в последний день ее жизни в Новом Орлеане.

VI. Хейзел

Хейзел возвращалась домой из конюшни одна. Несмотря на холодный вечер, от нее шел пар. Сэмми только что поцеловал ее в щеку.

В этот день случилось много всего — приятного и неприятного. Ребята в школе дразнили ее из-за матери, обзывали ведьмой и всякими другими обидными прозвищами. Конечно, это началось не в тот день, но со временем становилось все хуже и хуже. Слухи о проклятии Хейзел распространялись. Школа, где она училась, называлась Академия Святой Агнессы для цветных детей и индейцев — это название оставалось неизменным вот уже сотню лет. Школа, как и ее название, скрывала под своей крышей немало жестокостей, припудренных легким налетом доброты.

Хейзел не понимала, как другие черные подростки могут быть такими жестокими. Уж они-то должны были понимать — их самих все время наделяли унижительными прозвищами. Но они дразнили ее, воровали ее завтраки, постоянно просили эти знаменитые драгоценности: «Ну, где эти твои проклятые алмазы, девчонка. Дай мне один, а то я тебя поколочу!» Ее заталкивали в фонтан, кидали в нее камнями, если она пыталась приблизиться к ним на игровой площадке.

Как бы они ни были ужасны, Хейзел никому из них не дала ни алмазов, ни золота. Она их ненавидела, но все же не настолько. И потом, она дружила с одним парнишкой — с Сэмми, — и этого было достаточно.

Сэмми любил в шутку говорить, что она идеальная ученица святой Агнессы. Он был американцем мексиканского происхождения, а потому считал себя цветным и индейцем. «Они должны мне платить двойную стипендию», — говорил он.

Он не был ни большим, ни сильным, но улыбался такой сумасшедшей улыбкой, что Хейзел всегда смеялась, видя ее.

В тот день он взял ее с собой в конюшню, где подрабатывал конюхом. Это был ездовой клуб, конечно, «только для белых», но в будни он не работал, и поговаривали, что в связи с войной клуб вообще закроют, пока не надают по шапке японцам и солдаты не вернутся домой. Сэмми обычно удавалось незаметно брать с собой Хейзел, и она помогала ему ухаживать за лошадьми. Иногда они отправлялись на прогулку верхом.

Хейзел любила лошадей. Казалось, это единственные живые существа, которые не боятся ее. Люди ее ненавидели. Кошки на нее шипели. Собаки рычали. Даже глупый хомячок в классе мисс Финли пищал от ужаса, когда она давала ему морковку. А вот лошади не возражали против ее общества. Садясь в седло, она мчалась с такой скоростью, что драгоценные камни на ее пути просто не успевали появляться. Хейзел даже чувствовала себя свободной от своего проклятия.

В тот день она взяла темно-чалого жеребца с великолепной черной гривой. Она так быстро галопировала по полю, что Сэмми остался далеко позади. Когда он ее догнал, и сам он, и его лошадь дышали, как паровоз.

— От чего ты бежишь? — Он рассмеялся. — Неужели я такой урод?

Для пикника было холодновато, но они все же устроили пикничок — сели под магнолией, а лошадей привязали к забору. Сэмми привез ей кекс со свечкой по случаю дня рождения, кекс помялся, пока они скакали по полям, но ничего вкуснее Хейзел в жизни не пробовала. Они разломали его пополам и съели.

Сэмми заговорил о войне. Он жалел, что слишком мал и его не берут в армию. Он спросил у Хейзел, стала бы она ему писать, если бы он был солдатом и его отправили за океан.

— Конечно, глупый, — сказала она.

Он улыбнулся. А потом, словно под воздействием неожиданного импульса, подался к ней и поцеловал в щеку.

— С днем рождения, Хейзел!

Это было немного. Всего один поцелуй. И даже не в губы. Но Хейзел показалось, будто она парит в воздухе. Она почти не помнила обратного пути в конюшню, не помнила, как прощалась с Сэмми. Он ей сказал, как всегда: «До завтра», но Хейзел его больше никогда не увидела.

Когда она добралась до Французского квартала, было уже темно, а когда приблизилась к дому, теплое чувство рассеялось — его сменил страх.

Хейзел и ее мать — она любила, чтобы ее называли Королевой Мари, — жили в старой квартире над джаз-клубом. Несмотря на то что война уже началась, в городе царил праздничное настроение. По улицам бродили призывники, они смеялись и говорили о том, как поколотят японцев. Они делали себе татуировки в салонах и предлагали руку и сердце своим возлюбленным прямо на тротуарах. Некоторые поднимались к матери Хейзел, чтобы она предсказала им будущее или чтобы купить амулеты у Мари Левеск — знаменитой королевы амулетов.

«Нет, ты только послушай, — говорил потом кто-нибудь из посетителей, — две десятки за этот амулет. Я отнес его одному знакомому, он говорит, что это настоящий серебряный самородок. Всего за двадцать долларов! Эта колдунья с ума сошла».

Некоторое время такие разговоры увеличивали клиентуру Королевы Мари. Проклятие Хейзел поначалу давало о себе знать довольно медленно. В первое время оно даже казалось благословением. Драгоценные камни и золото появлялись лишь изредка и никогда — в больших количествах. Королева Мари расплатилась по счетам. Они стали раз в неделю есть стейк на обед. Хейзел даже купили новое платье. Но потом пошли слухи. Люди начали понимать, какие ужасные вещи происходят с теми, кто купил эти амулеты или получал плату драгоценностями Королевы Мари. Чарли Гассо потерял в жнейке руку, на которой был золотой браслет. Мистер Генри, владелец магазина, умер от инфаркта, взяв у Королевы Мари рубин в качестве платы.

Стали поговаривать и насчет Хейзел — как она умеет находить проклятые драгоценности, идя по улице. Теперь только заезжий люд ходил к ее матери, да и тех было немного. Мать Хейзел стала вспыльчивой. Она посматривала на Хейзел ненавидящим взглядом.

Хейзел бесшумно — на тот случай, если у ее матери клиент, — поднялась по лестнице. Внизу в клубе оркестр настраивал инструменты. В пекарне по соседству начали готовить пончики на завтрашнее утро, и на лестнице пахло жареным маслом.

Когда Хейзел добралась до верха, ей показалось, что из квартиры доносятся два голоса. Но когда она заглянула в гостиную, ее мать сидела одна за гадательным столом, глаза ее были закрыты, словно в трансе.

Хейзел много раз видела ее такой — мать делала вид, что разговаривает с духами для своих клиентов. Но такого не случалось, если она была одна. Королева Мари всегда говорила дочери, что ее амулеты — вранье и жульничество. На самом деле она не верит ни в амулеты,

ни в предсказания, ни в призраков. Она просто играет, как актриса или певица, и таким образом зарабатывает деньги.

Но Хейзел знала, что ее мать все же верит в колдовство. Проклятие Хейзел вовсе не было жульничеством. Королева Мари просто не хотела думать, что это ее вина, что из-за нее Хейзел стала такой, какая она есть.

— Это твой треклятый папочка, — ворчала Королева Мари, когда пребывала в особо мрачном настроении. — Заявляется в своем костюмчике — черное с серебром. В тот единственный раз, когда я и в самом деле вызвала духа, — что я получила? Мое желание исполнилось, а жизнь была погублена. Мне нужно было стать настоящей королевой. Это он виноват, что ты такая.

Она так никогда и не объяснила, что это значит, и Хейзел научилась не расспрашивать ее об отце. Что толку — мать от этого только злилась.

Хейзел смотрела, как Королева Мари бормочет что-то себе под нос, лицо у нее было спокойное и расслабленное. Хейзел поразились тому, как она красива — без угрюмой гримасы и вечных морщин на лбу. У нее, как и у Хейзел, была великолепная копна золотисто-каштановых волос, такая же смуглая кожа цвета жареных кофейных зерен. Сейчас на ней не было красного платья или золотых браслетов, которые она надевала, чтобы произвести впечатление на клиента, — только простое белое платье. Но вид у нее был царственный, она сидела прямо, исполненная величия, в позолоченном кресле, словно и в самом деле считала себя королевой.

— Там ты будешь в безопасности, — пробормотала она. — Вдали от богов.

Хейзел подавила крик. Ее мать говорила чужим голосом! И этот голос вовсе не походил на женский. Тон — мягкий, успокаивающий, но еще и непререкаемый, как у гипнотизера, отдающего приказания.

Королева Мари напряглась. Она скорчила гримасу, потом заговорила обычным своим голосом:

— Это слишком далеко. Слишком холодно. Слишком опасно. Он сказал, чтобы я не делала этого.

Ей ответил другой голос:

— Да что он сделал хорошего для тебя? Дал порченного ребенка? А мы сможем использовать ее дар во благо. Мы нанесем богам ответный удар. На севере, вдали от владений богов, ты будешь под моей защитой. Я сделаю моего сына твоим защитником. Ты наконец заживешь, как королева.

Королева Мари поморщилась.

— Но как быть с Хейзел...

Потом на ее лице появилась ухмылка. Оба голоса заговорили в унисон, словно обрели согласие.

— Порченный ребенок.

Хейзел кинулась вниз по лестнице. Сердце у нее колотилось, как бешеное.

Внизу она столкнулась с мужчиной в черном костюме. Он ухватил ее за плечо сильными холодными пальцами.

— Не спеши, дитя, — сказал он.

Хейзел увидела серебряный перстень с черепом на его пальце, потом обратила внимание на странную ткань его костюма. В полутьме плотная черная шерсть, казалось, шевелится и кипит, на ней появляются изображения агонизирующих лиц, словно потерянные

души пытаются сорваться со складок его одежды.

У него был черный галстук с платиновым зажимом, рубашка цвета могильного камня. А лицо такое, что у Хейзел душа ушла в пятки. И кожа у него такой белизны, что чуть ли не отливала синевой, как холодное молоко. Сальные черные волосы ниспадали на лоб. Он улыбался доброй улыбкой, но глаза горели огнем и смотрели рассерженно, в них светилась какая-то безумная сила. Хейзел видела такой взгляд в киножурналах, которые показывали перед фильмом. Этот человек был похож на отвратительного Адольфа Гитлера. Усов, правда, у него не было, но в остальном он мог бы быть близнецом Гитлера. Или его отцом.

Хейзел попыталась отстраниться. Но даже когда этот человек ее отпустил, она, казалось, не могла пошевелиться. Его взгляд приморозил девочку к месту.

— Хейзел Левеск, — сказал он печальным голосом. — Какая ты стала большая.

Хейзел затрясло. Залитое цементом крыльцо скрипело под ногами этого человека. Сверкающий камень выскочил из бетона, словно земля исторгла из себя арбузное семечко. Человек без удивления посмотрел на него. Нагнулся.

— Не трогайте! — воскликнула Хейзел. — Он проклят!

Он подобрал камень — идеальной формы изумруд.

— Проклят, верно. Но не для меня. Прекрасный камень. Стоит, я думаю, больше всего этого здания. — Он сунул изумруд себе в карман. — Мне жаль, что у тебя такая судьба, дитя. Я думаю, ты меня ненавидишь.

Хейзел не поняла его слов. Говорил этот человек печальным голосом, словно лично нес ответственность за ее жизнь. И тут ее осенило: дух в черном с серебром, который исполнил желание ее матери и погубил ее жизнь!

Глаза ее расширились.

— Вы? Вы мой...

Он взял ее за подбородок.

— Я — Плутон. Жизнь у моих детей никогда не бывает легкой, но у тебя особое бремя. Теперь тебе тринадцать, и мы должны принять меры...

Хейзел оттолкнула его руку.

— *Вы* сделали это со мной? — спросила она. — *Вы* прокляли меня и мою мать? *Вы* бросили нас?

Слезы наполнили ее глаза. Этот белый богач в превосходном костюме был ее отцом? Ей исполнилось тринадцать, и он появился в первый раз в ее жизни и говорит, что ему жаль?

— Вы дьявол! — закричала она. — Вы погубили наши жизни.

— Что там наговорила тебе твоя мать, Хейзел? — Плутон прищурился. — Она тебе никогда не рассказывала, каким было ее желание? А почему ты родилась с проклятием, она не объясняла?

Хейзел была слишком зла, чтобы говорить, но Плутон, казалось, прочел ответ у нее на лице.

— Нет... — Он вздохнул. — Наверно, не говорила. Гораздо легче во всем винить меня.

— Что вы хотите этим сказать?

Плутон снова вздохнул.

— Бедное дитя. Ты появилась на свет слишком рано. Я не очень ясно вижу твое будущее, но настанет день — и ты найдешь свое место. Потомок Нептуна смоет твое проклятие и даст мир твоей душе. Но, боюсь, до этого еще далеко...

Хейзел не поняла его слов. Прежде чем она успела что-то ответить, Плутон протянул

руку. На его ладони появились альбом для рисунков и коробка с цветными карандашами.

— Насколько я понимаю, тебе нравятся искусство и верховая езда. Это тебе для искусства. Что касается верховой езды... — Глаза его сверкнули. — Тебе нужно освоить это самой. А пока мне нужно поговорить с твоей матерью. С днем рождения, Хейзел!

Он повернулся и пошел вверх по лестнице — вот так, словно вычеркнул Хейзел из списка назначенных на сегодня дел и уже забыл про нее. «С днем рождения. Нарисуй картинку. Увидимся еще через тринадцать лет».

Хейзел была ошарашена и ужасно зла, мысли ее смешались... она застыла у подножия лестницы. Ей хотелось швырнуть цветные карандаши куда подальше, растоптать их. Хотелось догнать Плутона и пнуть его под зад. А еще — убежать, найти Сэмми, украсть лошадь, уехать из города и никогда не возвращаться. Но ничего этого она не сделала.

Наверху открылась дверь квартиры, и Плутон вошел внутрь.

Хейзел все еще трясло от его ледяного прикосновения, но она прокралась наверх, посмотреть, что будет. Что он скажет Королеве Мари? И кто будет с ним разговаривать — мать Хейзел или тот ужасный голос?

Добравшись до двери, Хейзел услышала, как они спорят. Она заглянула внутрь. Ее мать вернулась в свое нормальное состояние — она визжала, злилась, разбрасывала вещи по комнате, а Плутон пытался ее вразумить.

— Мари, это безумие, — сказал он. — Ты будешь так далеко, что я не смогу тебя защитить.

— Защитить? — закричала Королева Мари. — Да когда это ты меня защищал?

Темный костюм Плутона замерцал, словно души, заточенные в материи, пришли в возбуждение.

— Ты и понятия не имеешь... — сказал он. — Ты и ребенок живы благодаря мне. У меня повсюду враги — среди богов и людей. А теперь, когда идет война, положение только ухудшится. Ты должна остаться там, где я смогу...

— Полиция считает меня убийцей! — вопила Королева Мари. — Мои клиенты хотят повесить меня как ведьму! А Хейзел — ее проклятие только усиливается. Твоя защита нас убивает.

— Мари, прошу тебя... — Плутон умоляющим жестом распростер руки.

— Нет! — Королева Мари подошла к шкафу, вытащила кожаную сумку и швырнула ее на стол. — Мы уезжаем, — сообщила она. — Можешь оставить свою защиту при себе. Мы едем на север.

— Мари, это ловушка, — предостерег ее Плутон. — Уж не знаю, кто нашептывает тебе на ухо, кто настраивает против меня...

— Ты сам настроил меня против себя! — Она схватила фарфоровую вазу и швырнула ее в Плутона. Ваза упала на пол — во все стороны разлетелись драгоценные камни — изумруды, рубины, алмазы. Вся коллекция Хейзел.

— Вы погибнете, — предупредил Плутон. — Если поедете на север, то умрете обе. Я это ясно предвижу.

— Убирайся! — заорала она.

Хейзел хотелось, чтобы Плутон остался и спорил дальше. Хейзел вовсе не нравилось то, что говорила ее мать. Но ее отец махнул рукой и растворился в воздухе... словно он и в самом деле был духом.

Королева Мари закрыла глаза, глубоко вздохнула. Хейзел боялась, что вот сейчас из нее

снова польется тот странный голос. Но она заговорила своим обычным голосом.

— Хейзел, — отчеканила она, — выходи из-за двери!

Хейзел, дрожа, подчинилась. Она прижимала к груди альбом и коробку с карандашами.

Мать посмотрела на Хейзел так, словно та была самым большим разочарованием в ее жизни. Порченное дитя — так говорил тот голос.

— Собирайся, — приказала она. — Мы уезжаем.

— К-куда? — пролепетала Хейзел.

— На Аляску, — ответила Королева Мари. — Будешь заниматься делом. Мы начнем новую жизнь.

По тому, как это было сказано, у Хейзел возникло впечатление, что они будут создавать «новую жизнь» для кого-то другого... или для чего-то другого.

— Что имел в виду Плутон? — спросила Хейзел. — Он в самом деле мой отец? Он сказал, что выполнял твое желание...

— Отправляйся в свою комнату! — закричала мать. — Собирайся!

Хейзел бросилась прочь и неожиданно вернулась из прошлого в настоящее.

Нико тряс ее за плечи.

— Ты опять?..

Хейзел моргнула. Они по-прежнему сидели на крыше святилища Плутона. Солнце низко стояло на небе, вокруг нее появилось несколько новых алмазов, а слезы жгли ей глаза.

— Из-вини, — проговорила она.

— Нечего тебе извиняться, — буркнул Нико. — Где ты была?

— В квартире матери. В тот день, когда мы уехали.

Нико кивнул. Он понимал ее историю лучше, чем большинство людей. Он тоже был мальчишкой из тех сороковых годов. Родился немногим позже Хейзел, а потом несколько десятилетий был заперт в волшебном отеле. Но прошлое Хейзел было гораздо хуже прошлого Нико. Она принесла столько вреда и несчастий...

— Тебе нужно научиться контролировать эти воспоминания, — предостерег ее Нико. — Если они станут возвращаться к тебе во время сражения...

— Я знаю, — ответила она. — Я стараюсь.

Нико сжал ее руку.

— Все в порядке. Я думаю, это побочный эффект от... ну, ты знаешь, от того времени, что ты провела в Царстве Мертвых. Надеюсь, он будет уменьшаться.

Хейзел не была в этом уверена. Прошло восемь месяцев, а эти отключки становились только сильнее, словно ее душа одновременно пыталась жить в двух разных периодах одновременно. Никто еще не возвращался из мертвых... по крайней мере, никто не возвращался так, как она. Нико пытался успокоить ее, но оба они не знали, что будет дальше.

— Я не могу снова поехать на север, — сказала Хейзел. — Нико, если мне придется вернуться туда, где это случилось...

— Все будет в порядке, — пообещал он. — На сей раз у тебя будут друзья. Перси Джексон — он должен сыграть в этом свою роль. Ты ведь это чувствуешь? Хорошо, когда на твоей стороне такой человек.

Хейзел вспомнила то, что давным-давно сказал ей Плутон: «Потомок Нептуна смое твое проклятие и даст мир твоей душе».

Может быть, этот потомок и есть Перси? Может быть, но Хейзел чувствовала, что все

это будет не так-то просто. Она даже была не уверена, что Перси выживет после того, с чем столкнется на севере.

— А он откуда? — спросила она. — Почему призраки называют его греком?

Нико не успел ответить — по другую сторону реки зазвучал рожок. Легионеров сзывали на вечерний сбор.

— Нам пора, — сказал Нико. — У меня такое предчувствие, что игра в войну сегодня будет интересной.

VII. Хейзел

По пути назад Хейзел споткнулась о золотой слиток.

Знала ведь, что нельзя ей так быстро бегать, но боялась опоздать на общий сбор. В пятой когорте были самые терпимые центурионы в лагере. Но даже и они накажут Хейзел, если она опоздает. Римские наказания всегда суровые: подметай улицу зубной щеткой, чисти стойла в Колизее, а еще тебя могли сунуть мешок со злобными куницами и окунуть в Малый Тибр — перспектива не из приятных.

Золотой слиток выскочил из земли прямо перед ее ногой. Нико попытался подхватить девушку, но она упала и оцарапала руки.

— Как ты? — Нико опустился рядом с ней на колени и потянулся к золотому слитку.

— Не трогай его! — предостерегающе крикнула Хейзел.

Нико замер.

— Да, конечно. Извини. Я просто... вот черт. Ну и здоровенная штука. — Он вытащил фляжку с нектаром из своей летной куртки и плеснул немного на ладони Хейзел. Царапины сразу же стали заживать. — Ты встать можешь?

Нико помог ей подняться. Оба они уставились на золото. Слиток был размером с буханку хлеба, имел серийный номер и выдавленные слова: «КАЗНАЧЕЙСТВО США».

Нико потряс головой.

— Откуда это, Тартар его побери?

— Не знаю, — с несчастным видом сказала Хейзел. — Может, его закопали грабители. Или он вывалился из почтовой кареты сто лет назад. А может, его принесло из ближайшего банковского сейфа. Все, что находится в земле неподалеку от меня, просто выскакивает наружу. И чем оно ценнее...

— ...тем опаснее. — Нико нахмурился. — Что нам — зарыть его? Если его найдут фавны...

Хейзел представилось грибовидное облако, поднимающееся над дорогой, — поджаренные, как головешки, фавны разлетаются в разные стороны. Нет, она не хотела об этом думать — слишком ужасно.

— Вообще-то он сам собой должен погрузиться под землю, когда я уйду, но чтобы уж наверняка...

Вообще-то она пользовалась этим приемом, но только не применительно к чему-то тяжелому и плотному. Хейзел наставила палец на слиток и сосредоточилась.

Слиток поднялся в воздух. Она сконцентрировала свою злость — что было нетрудно, — она ненавидела золото, ненавидела это проклятие, ненавидела воспоминания о прошлом, обо всех своих неудачах. Пальцы защипало. Золотой слиток засиял, раскалившись.

— Эй, Хейзел, ты уверена?..

Она сжала кулак. Слиток сложился, как кусок пластилина. Хейзел усилием воли заплела его в гигантское комковатое кольцо. Потом она рывком опустила руку. Ее бублик стоимостью в миллион долларов ушел под землю. И так глубоко, что наверху осталась только потревоженная свежая земля.

— Да, это было впечатляюще. — Нико смотрел на нее с уважением.

Хейзел так не считала — она видела, как ее брат оживляет скелеты и возвращает мертвецов к жизни. Вот это действительно было впечатляюще. Но для разнообразия она

была не прочь удивить его.

В лагере снова заиграл рожок. Сейчас в когортах начнется перекличка, а у Хейзел не было ни малейшего желания оказаться в мешке с куницами.

— Скорее! — велела она Нико. И они стремглав бросились к воротам.

Когда Хейзел в первый раз увидела весь легион в сборе, она впала в ужас. Она чуть не бросилась назад к казармам, чтобы спрятаться в домике. Но и спустя девять месяцев, проведенных в лагере, она находила это зрелище потрясающим.

Четыре первые когорты, в каждой по сорок ребят, стояли рядами перед своими казармами по обеим сторонам виа Претория. Пятая когорта построилась в самом конце перед принципией, поскольку их казарма находилась в дальнем углу лагеря рядом с конюшнями и туалетами. Хейзел пришлось пробежать мимо всего легиона, чтобы занять свое место.

Легионеры были в боевом облачении. Их отполированные кольчуги и поножи сверкали поверх футболок и джинсов. Шлемы украшали изображения черепов и мечей. Устрашающе выглядели даже кожаные боевые ботинки с металлическими подковками, незаменимыми, если маршируешь по грязи или шагаешь по головам.

Перед легионерами, словно ряд гигантских доминошек, стояли их красные с золотым щиты, размером с дверь холодильника. У каждого легионера было копье, похожее на гарпун, называемое «пилум», а к нему гладиус, кинжал и другое оснащение, весом под сотню фунтов. Если, попав в легион, ты не имел надлежащей спортивной формы, то долго тебе было не протянуть. Да просто пройти в полных доспехах — и то нелегкий труд.

Хейзел и Нико бежали по улице, а легионеры в это время строились в шеренги и вытягивались по стойке «смирно», так что появление брата и сестры явно не прошло незамеченным. Хейзел избегала встречаться глазами с обитателями лагеря, но с Октавианом у нее этот номер не прошел — он стоял во главе пятой когорты и ухмылялся, глядя на нее. В шлеме центуриона с пером и с дюжиной медалей, пришпиленных к груди, вид у него был весьма самодовольный.

Хейзел никак не могла успокоиться после его угроз. Глупый авгур с его даром пророчества — надо же, чтобы он единственный из лагеря вызнал ее тайны. Ну почему именно он? Она была уверена, что он давно бы уже обо всем разболтал, если бы не считал, что может что-нибудь выжать из этого, оказывая давление на Хейзел. Она пожалела, что не взяла тот золотой слиток — шарахнула бы сейчас Октавиана по башке!

Она пробежала мимо Рейны, объезжавшей строй на своем пегасе Сципионе, которого все называли запросто — Сциппи. Металлические собаки Аурум и Аргентум семенили рядом с хозяйкой.

— Хейзел Левеск, — громко поговорила Рейна, — я рада, что ты смогла присоединиться к нам.

Хейзел промолчала — себе дороже. Большая часть боевого оснащения была не при ней, но она поспешила на свое место рядом с Фрэнком и встала по стойке «смирно». Их главный центурион, здоровенный семнадцатилетний парень по имени Дакота, как раз выкрикивал ее имя — последнее в списке.

— Здесь! — пропищала она в ответ.

Слава богам! Можно считать, что она не опоздала.

Нико присоединился к Перси Джексону, который стоял сбоку вместе с двумя

стражниками. Волосы Перси были влажными после бани, он облачился в свежую одежду, но по-прежнему чувствовал себя неудобно. Хейзел его понимала — Перси сейчас собирались познакомиться с двумя сотнями тяжеловооруженных ребят.

Последними построились лары. Они проталкивались на свои места, их алые ауры мерцали. У ларов была отвратительная привычка стоять, частично занимая место живого человека, а потому построенный легион напоминал смазанную фотографию, но, в конечном счете, центурионы разобрались и с ними.

— Знамена! — заорал Октавиан.

Вперед вышли знаменосцы. На них были накидки из львиных шкур, а в руках они держали шесты с эмблемами той или иной когорты. Последним со своим штандартом вышел Джейкоб — знаменосец легиона. Теоретически его шест должен был украшать орел Двенадцатого легиона, но верхушка длинной палки пустовала. Его должность считалась очень почетной, но Джейкоб явно ее ненавидел. Хотя Рейна и настаивала на необходимости следовать традиции, каждый раз при поднятии шеста без орла Хейзел чувствовала, что легионом овладевает смущение.

Рейна натянула поводья пегаса.

— Римляне! — прокричала она. — Вы, вероятно, слышали о сегодняшнем происшествии. Этот новичок, Перси Джексон, утопил двух горгон. Его привела сюда сама Юнона, которая сообщила, что он — сын Нептуна.

Ребята из задних рядов принялись выгибать шеи, чтобы увидеть Перси. Он поднял руку и сказал:

— Привет.

— Он хочет вступить в легион, — продолжила Рейна. — Что скажет авгур?

— Я читал внутренности! — сообщил Октавиан так, словно голыми руками убил льва, а не раскромсал набивную подушечку-панду. — Пророчества благоприятны. Он может быть принят на службу!

Обитатели лагеря разразились криками «аве!» и «ура!».

Фрэнк немного припозднился со своим «аве», а потому его крик прозвучал, как петушиное эхо. Легионеры засмеялись.

Рейна жестом показала, что старшие офицеры должны выйти вперед — по одному от каждой когорты. Октавиан как самый старший центурион повернулся к Перси.

— Новобранец, — спросил он, — у тебя есть рекомендации?

Хейзел помнила этот обычай по собственному вступлению в легион. Многие ребята приносили рекомендательные письма от полубогов постарше, живущих во внешнем мире, взрослых ветеранов лагеря. У некоторых новобранцев были богатые и знаменитые спонсоры. Некоторые были легионерами в третьем или четвертом поколении. Имея хорошее рекомендательное письмо, ты мог получить место в когорте получше, иногда даже какую-нибудь особую специальность, например курьера легиона, что освобождало от грязной работы вроде копания траншей или спяжения латинских глаголов.

— Рекомендации? — Перси переступил с ноги на ногу. — Нет, нету.

Октавиан сморщил нос.

«Несправедливо!» — хотела закричать Хейзел. Перси в лагерь привела богиня. Разве может быть лучшая рекомендация? Но семья Октавиана отправляла детей в лагерь вот уже больше века. Он любил показывать новобранцам, что они не такие значительные личности, как он.

— Значит, никаких рекомендательных писем, — с сожалением в голосе сказал Октавиан. — Может, кто-нибудь из легионеров поручится за него?

— Я! — выкрикнул Фрэнк, выходя вперед. — Он спас мне жизнь.

Тут же послышались протестующие возгласы из других когорт. Рейна подняла руку, призывая к тишине, а сама уставилась на Фрэнка.

— Фрэнк Чжан, — сказала она, — я второй раз сегодня напоминаю тебе, что ты на испытательном сроке. Твой божественный родитель еще не признал тебя. Ты не можешь ручаться за других новобранцев, пока не получишь первой полоски.

У Фрэнка был такой вид, будто он готов под землю провалиться.

Хейзел не могла равнодушно смотреть на это. Она вышла из строя и отчеканила:

— Фрэнк только хочет сказать, что Перси спас мою и его жизнь. Я полноправный член легиона. Я готова поручиться за Перси Джексона.

Фрэнк благодарно посмотрел на нее, но остальные легионеры выражали недовольство. Хейзел совсем недавно стала действительным членом легиона, она получила полоску всего несколько недель назад, и «поступок доблести», благодаря которому она и получила полоску, во многом был случайностью. И потом, она — дочь Плутона и член пятой когорты, когорты неудачников, по мнению всего лагеря. Хейзел оказывала не лучшую услугу Перси, ручаясь за него.

Рейна сморщила нос, но повернулась к Октавиану. Авгур улыбнулся и пожал плечами, словно эти события казались ему забавными.

«А почему бы и нет?» — подумала Хейзел.

Если Перси войдет в пятую когарту, то он будет меньшей угрозой, а Октавиан предпочитал ситуацию, когда все его враги сосредоточены в одном месте.

— Хорошо, — сказала Рейна. — Хейзел Левеск, ты можешь поручиться за новобранца. Твоя когорта примет его?

Из других когорт раздавался кашель — легионеры пытались сдержать смех. Хейзел знала, что они думают: «Еще один лузер в пятой».

Фрэнк ударил щитом в землю. Другие легионеры из пятой сделали то же самое, хотя и без особого энтузиазма. Их центурионы, Дакота и Гвен, посмотрели друг на друга с мучительными выражениями на лицах, словно говоря: «Ну вот, опять!»

— Моя когорта высказалась, — проговорил Дакота. — Мы принимаем новобранца.

Рейна сочувственно посмотрела на Перси.

— Поздравляю, Перси Джексон. Ты принят на условиях испытательного срока. Тебе дадут жетон с твоим именем и номером когорты. Через год или по совершении «поступка доблести» ты станешь полноправным членом Двенадцатого легиона Фульмината. Служи Риму, подчиняйся правилам легиона и с честью защищай лагерь. *Senatus Populusque Romanus!*

Легион отозвался одобрительными криками.

Рейна развернула своего пегаса спиной к Перси, словно радуясь тому, что покончила с этим делом. Сциппи распростер великолепные крылья, и Хейзел почувствовала укол зависти. Она что угодно готова была отдать за подобного коня, но понимала, что ничего такого ей не светит. Коней имели только офицеры или кавалерия варваров, но не римские легионеры.

— Центурионы, — сказала Рейна, — у вас и ваших людей есть один час на обед. Потом мы встречаемся на Марсовом поле. Первая и вторая когорты будут обороняться третья, четвертая и пятая будут атаковать. Удачи!

Одобрительный звук пронесся по рядам — обед и военная игра вызывали радость. Строй рассыпался, все побежали обедать.

Хейзел махнула Перси, он вместе с Нико шел через толпу. К удивлению Хейзел, Нико улыбался ей во весь рот.

— Молодец, сестренка. Для этого требовалось немалое мужество — чтобы поручиться за него.

Он никогда прежде не называл ее сестренкой. Интересно, подумала она, называл ли он так Бьянку.

Один из стражников дал Перси жетон легионера на испытательном сроке. Перси повесил его на шейный шнурок со странными бусинами.

— Спасибо, Хейзел, — сказал он. — А что именно означает то, что ты поручилась за меня?

— Что я гарантирую твоё хорошее поведение, — объяснила Хейзел. — Я буду обучать тебя правилам, отвечать на твои вопросы, следить, чтобы ты не опозорил легион.

— А... если я сделаю что-нибудь не так?

— То меня убьют вместе с тобой. Проголодался? Пойдем есть.

По крайней мере, пища в лагере была отличная. Невидимые духи ветра — ауры — прислуживали обитателям лагеря и, казалось, знали, что хочет каждый. Они так быстро переносили на своих потоках тарелки и чашки, что обеденный зал становился похожим на ураган из съестного. Если ты слишком быстро расправлялся со своей порцией и вставал, то тебе вполне могли заехать в лоб каким-нибудь блюдом.

Хейзел выдали суп из креветок — ее любимое успокоительное средство. Оно навевало ей воспоминания о девочке из Нового Орлеана, из тех времен, когда проклятие еще не настигло ее и мать. Перси получил чизбургер и странный на вид лимонад ярко-синего цвета. Хейзел не поняла, что это, но Перси попробовал, и ему понравилось.

— Я счастлив, когда его пью, — сказал он. — Не знаю почему... но так оно и есть.

На одно мгновение стала видна одна из аур — девочка-нимфа в белом шелковом платье. Она хихикнула, наполнив стакан Перси, а потом исчезла в порыве воздуха.

Этим вечером в обеденном зале стоял особенный шум. Смех эхом отдавался от стен. Подвешенные к кедровым потолочным балкам боевые знамена шелестели на ветру — туда-сюда летали ауры, пополняя тарелки легионеров. Обитатели ели на римский манер, сидя на кушетках вокруг низких столов. Ребята постоянно вставали и менялись местами, обмениваясь слухами о том, кто кому нравится, и всякими другими сплетнями.

Как обычно, пятая когорта заняла наименее почетное место. Их столы располагались в задней части зала рядом с кухней. За столом Хейзел всегда было меньше всего народа. Сегодня там, как обычно, сидели Фрэнк и Нико, к ним присоединился и Перси, а еще подсел центурион Дакота — Хейзел догадалась, что он хотел познакомиться с новобранцем.

Дакота с мрачным видом возлежал на кушетке, подмешивая сахар в свое питье и прихлебывая из стакана. Это был плотного сложения парень с курчавыми черными волосами и чуть косящими глазами, а потому у Хейзел, когда она смотрела на него, возникало впечатление, будто мир наклоняется. То, что он пил так много и так рано, было плохим знаком.

— Что ж. — Он рыгнул, взмахнув рукой с кубком. — Добро пожаловать в джексон, легион. То есть, тьфу... в легион, Джексон.

— Ммм. Спасибо, — ответил Перси, но его внимание было обращено на Нико. — Я думал, не могли бы мы поговорить о том... ну, где я мог видеть тебя прежде.

— Конечно, — с неестественной поспешностью сказал Нико. — Дело в том, что большую часть времени я провожу в Царстве Мертвых. Так что если я с тобой там не встречался...

Дакота снова рыгнул.

— Посол Плутона — так его называют. Рейна толком не знает, что делать с этим парнем, когда он тут возникает. Видел бы ты ее лицо, когда он появился здесь с Хейзел и просил Рейну принять ее. Гмм... ничего личного.

— Да что ты, никаких обид. — Нико, казалось, испытал облегчение, когда тему сменили. — Дакота был очень любезен, когда согласился поручиться за Хейзел.

Дакота покраснел.

— Да. Что ж... Она показалась мне хорошей девчонкой. Как оказалось, я был прав. В прошлом месяце, когда она спасла меня от... ну, ты знаешь.

— Да-да! — Фрэнк оторвался от своей рыбы с чипсами. — Видел бы ты ее, Перси! Так Хейзел и получила свою полоску. Единороги вдруг впали в панику...

— Да ерунда это, — сказала Хейзел.

— Ерунда? Ну уж нет, — возразил Фрэнк. — Они бы растоптали Дакоту! А ты встала перед ними и отогнала их в сторону — спасла его жизнь. Я ничего подобного никогда не видел!

Хейзел прикусила губу. Она не любила говорить на эту тему и чувствовала себя неловко, когда Фрэнк выставлал ее героиней; больше всего она боялась, что единороги в панике покалечат себя. Их рога были из драгоценных металлов — серебра и золота, и потому ей удалось их отогнать. Она просто сосредоточилась на рогах и усилием воли направила животных в конюшню. Благодаря этому Хейзел стала полноправным легионером — и тут же возникли слухи о ее странных способностях. Слухи эти живо напомнили Хейзел о прошлом.

Перси разглядывал Хейзел. Эти глаза цвета моря вызывали у него беспокойство.

— А вы с Нико росли вместе? — спросил он.

— Нет, — ответил за нее Нико. — Я только недавно узнал, что Хейзел — моя сестра. Она из Нового Орлеана.

Это, конечно, была правда, но не полная. Нико делал вид, что встретил ее в современном Новом Орлеане и привел в лагерь. Это было проще, чем рассказывать всю историю.

Хейзел пыталась выдать себя за современную девчонку. Это было нелегко. К счастью, полубоги не особо пользуются всевозможными техническими новинками в лагере. От их энергетики все электронные приборы портятся. Но когда она в первый раз отправилась в отпуск в Беркли, ее чуть кондрашка нехватила. Телевизоры, компьютеры, айподы, Интернет... Она поспешила вернуться в мир призраков, единорогов и богов. Мир, который казался ей менее фантастическим, чем мир двадцать первого века.

Нико продолжал говорить о детях Плутона.

— Нас довольно мало, — сказал он. — Поэтому мы должны держаться вместе. Когда я нашел Хейзел...

— У тебя есть другие сестры? — спросил Перси таким голосом, будто заранее знал ответ.

Хейзел опять задумалась: где Перси и Нико могли встречаться прежде и что скрывает ее брат?

— Одна, — ответил Нико. — Но она умерла. Я несколько раз видел ее дух в Царстве Мертвых, вот только когда я спускался туда в последний раз...

«Чтобы ее вернуть», — подумала Хейзел, но Нико этого не сказал.

— Я ее там не увидел. — В голосе Нико появилась хрипотца. — Прежде она была в Элизиуме — это что-то вроде рая в Царстве Мертвых, — но решила возродиться для новой жизни. Теперь я ее больше не увижу. Хорошо, что я нашел Хейзел... я хочу сказать, в Новом Орлеане.

Дакота хмыкнул.

— Если только ты не веришь слухам. Я не хочу сказать, что сам я верю...

— Слухам? — переспросил Перси.

— Хейзел! — раздался с другого конца обеденного зала голос фавна Дона.

Хейзел еще никогда так не радовалась при виде этого фавна. Вообще-то вход в лагерь ему был запрещен, но Дон всегда находил возможность пробраться туда. Он двигался к их

столу, улыбаясь всем, таская куски с тарелок и показывая пальцем на легионеров: «Эй! Позови меня!» Ему в голову попала летящая пицца, и он исчез за лежанкой. Потом поднялся с прежней ухмылкой и продолжил пробираться к их столу.

— Моя любимая девушка! — Пахло от Дона как от старого сыра, завернутого в мокрую козлиную шкуру. Он наклонился над кушетками и заглянул в тарелки ребят. — Эй, новенький, ты это будешь есть?

Перси нахмурился.

— Разве фавны не вегетарианцы?

— Я же не про чизбургер! Я говорю про тарелку. — Он понюхал волосы Перси. — Эй, чем это пахнет?

— Дон! — предостерегла Хейзел. — Не хами.

— Да нет, я просто...

У стола материализовался Вителлий, какая-то его часть прилась на лежак Фрэнка.

— Фавны клянчат со столов! До чего мы дошли? Центурион Дакота, исполни свой долг!

— Я и исполняю, — проворчал Дакота в кубок. — Я обедаю.

Дон продолжать что-то вынюхивать, крутясь вокруг Перси.

— Приятель, у тебя эмпатическая связь с фавнами!

— Какая связь?! — Перси подался в сторону от сумасшедшего фавна.

— Эмпатическая! Она довольно слабая, словно кто-то ее подавил, но...

— Я знаю, что делать. — Нико неожиданно встал. — Хейзел, что, если вы с Фрэнком объясните Перси, что тут к чему? А мы с Дакотой пойдем к столику претора. Дон и Вителлий, вы с нами. Обсудим стратегию сегодняшней игры.

— Стратегию проигрыша? — пробормотал Дакота.

— Мальчик-Смерть прав! — сказал Вителлий. — Легион сражается хуже, чем мы сражались в Иудее, а тогда мы впервые потеряли нашего орла. Если бы командовал я...

— Могу я сначала пожевать столовое серебро? — поинтересовался Дон.

— Идем! — Нико встал и ухватил Дона и Вителлия за уши.

Никто, кроме Нико, не мог дотронуться до лара. Вителлий начал брызгать слюной от злости, когда его потащили к столику претора.

— Эй! — запротестовал Дон. — Приятель, осторожно!

— Идем, Дакота! — бросил Ник через плечо.

Центурион неохотно встал, отер рот, хотя мог это и не делать — губы у него всегда были красные.

— Скоро вернусь. — Он встряхнулся, как собака после купания. Потом поплелся следом за Нико — в его кубке плескался напиток.

— О чем речь? — спросил Перси. — И что случилось с Дакотой?

Фрэнк вздохнул.

— С ним все в порядке. Он сын Вакха, бога виноделия. У него проблемы с алкоголем.

— Ему позволено пить вино? — Глаза Перси расширились.

— Боги! Нет, конечно, — сказала Хейзел. — Это был бы суший кошмар. Он пристрастился к красному «кулэйду». Пьет его, добавляя в три раза больше сахара, чем нужно, а у него и без того СДВГ — синдром дефицита внимания и гиперактивность. У него когда-нибудь голова взорвется.

Перси посмотрел в сторону стола претора. Большинство старших офицеров были заняты серьезным разговором с Рейной. Чуть поодаль стоял Нико с двумя своими пленниками —

Доном и Вителлием. Дакота носился туда-сюда перед рядом выставленных щитов, стучая по ним своим кубком, словно по ксилофону.

— СДВГ, — пробормотал Перси. — Не может быть.

Хейзел с трудом сдерживала смех.

— Эта проблема у большинства полубогов. Или неспособность к чтению. Если ты полубог, то у тебя мозги устроены не так, как у всех людей. Вот ты — ты тоже говорил, что читаешь с трудом.

— И у вас двоих та же проблема? — спросил Перси.

— Не знаю, — призналась Хейзел. — Может быть. В мое время таких ребят называли просто ленивыми.

— В твоё время? — Перси нахмурился.

Хейзел выругалась про себя.

К счастью для нее, заговорил Фрэнк.

— Жаль, что у меня нет СДВГ или неспособности к чтению. У меня только непереносимость лактозы.

— Правда? — усмехнулся Перси.

Возможно, Фрэнк был самым глупым из полубогов, но когда он так надувал губы, то казался Хейзел очень милым. У Фрэнка опустились плечи.

— И к тому же я люблю мороженое...

Перси рассмеялся. Хейзел не удержалась и присоединилась к нему. Хорошо было сидеть за обедом и чувствовать себя среди друзей.

— Ну, так расскажите мне, — проговорил Перси, — почему плохо быть в пятой когорте. Вы вот замечательные ребята.

От такого комплимента у Хейзел вспыхнули щеки.

— Так в двух словах и не объяснишь. Я вот не только дочь Плутона, я еще и верховую езду люблю.

— Поэтому у тебя кавалерийский меч?

Она кивнула.

— Наверно, это глупо. Выдаю желаемое за действительное. В лагере всего один пегас — у Рейны. Единорогов держат в медицинских целях — то, что соскребают с их рогов, излечивает от отравлений и всякое такое. И вообще римляне всегда сражались пешими. Кавалерия... они всегда презирали этот род войск. Теперь они презрительно смотрят и на меня.

— Это их проблемы, — сказал Перси. — А ты, Фрэнк?

— Я — лучник, — пробормотал он. — Они этого тоже не любят, если только ты не потомок Аполлона. Тогда у тебя есть извиняющие обстоятельства. Надеюсь, что мой отец — Аполлон, но точно я не знаю. Я хорошо пишу стихи. Но я не уверен, что хочу быть родственником Октавиана.

— Ну, это можно понять, — улыбнулся Перси. — Но ты ведь отличный стрелок... как ты тогда припечатал горгон. Забудь о том, что думают другие.

Фрэнк зарделся, как «кул-эйд» Дакоты.

— Не получается забыть. Они все говорят, что я должен сражаться мечом, потому что я такой большой и сильный. — Фрэнк окинул себя взглядом, словно никак не мог поверить, что это он и есть. — Они говорят, что я слишком коренаст для лучника. Может быть, если мой отец признает меня...

Несколько минут они жевали молча. Отец, который не хочет тебя признавать... Хейзел знала это чувство. Она подозревала, что и Перси столкнется с этим.

— Ты спрашивал про пятую, — сказала она наконец. — Почему эта когорта худшая. Вообще-то это началось задолго до нас.

Она показала на черную стену, где висели штандарты легиона.

— Видишь пустое древко в середине?

— Орел, — кивнул Перси.

— Откуда ты знаешь? — Хейзел ошеломленно посмотрела на него.

Перси пожал плечами.

— Вителлий говорил о том, как легион давным-давно потерял своего орла — он сказал «в первый раз». По его словам, это был страшный позор. Вот я и решил, что это именно его там нет. А из твоего разговора с Рейной я сделал вывод, что орла потеряли и во второй раз, уже недавно. И это как-то связано с пятой когортой.

Хейзел подумала, что впредь не надо недооценивать Перси. Когда он только появился, она по его вопросам решила, что он глуповат. Но Перси явно оказался умнее.

— Ты прав, — сказала она. — Именно это и случилось.

— А что это за орел? Почему вокруг него столько шума?

Фрэнк оглянулся, чтобы убедиться, что никто их не подслушивает.

— Это символ всего лагеря — большой золотой орел. Считается, что он защищает нас в бою и наводит страх на наших врагов. Благодаря орлу у каждого легиона появлялись новые возможности и мощь. А наш орел достался нам от самого Юпитера. Считается, что сам Юлий Цезарь назвал наш легион Фульмината — вооруженный молнией, — потому что орел держал в когтях молнию.

— Не люблю молний, — проговорил Перси.

— Но, — добавила Хейзел, — орел не делал нас неуязвимыми. Двенадцатый легион в первый раз потерял своего орла еще в древности, во время Иудейской войны.

— Кажется, я видел фильм об этих делах...

— Возможно. — Хейзел пожала плечами. — Многие книги и фильмы были посвящены этой теме — когда легионы теряли орла. К несчастью, это случалось не так уж редко. Орел имел большое значение... археологи не нашли ни одного орла на раскопках. Каждый легион охранял своего до последнего бойца, потому что орел был наделен силой, дарованной богами. Они предпочитали прятать его или расплавлять, но не сдавать врагу. В первый раз Двенадцатому повезло. Мы вернули нашего орла. Но во второй...

— И вы были там? — спросил Перси.

Хейзел и Фрэнк покачали головами.

— Я почти такой же новичок, как ты. — Фрэнк постучал по своему жетону, свидетельствовавшему, что он тоже на испытательном сроке. — Появился здесь в прошлом месяце. Но все знают эту историю. Считается, что даже говорить об этом — плохое предзнаменование. В восьмидесятые годы была организована великая экспедиция на Аляску...

— Помнишь то пророчество, что ты видел в храме, — продолжила Хейзел, — о семи полубогах и Вратах смерти? Нашим старшим претором в то время был Майкл Варус из пятой когорты. Тогда пятая считалась лучшей в лагере. Он думал, что принесет славу легиону, если сумеет разгадать пророчество и реализует его — спасет мир от огня, бури и всего такого. Он поговорил с авгуром, и тот сказал ему, что ответ нужно искать на Аляске. Но он предупредил

Майкла, что время еще не пришло. Это пророчество было не для него.

— Но он все равно отправился туда, — догадался Перси. — И что случилось?

— Это долгая и грустная история. — Фрэнк понизил голос. — Почти вся пятая когорта погибла. Большая часть оружия легиона из имперского золота была утрачена. Вместе с орлом. Выжившие либо спятили, либо отказывались говорить о том, кто на них напал.

«Я знаю», — мрачно подумала Хейзел. Но промолчала.

— Поскольку орел был утрачен, — говорил тем временем Фрэнк, — лагерь ослабел. Теперь поиски стали более опасными. Монстры начали чаще атаковать наши границы. Моральный дух упал. Приблизительно с прошлого месяца дела идут все хуже и хуже, и процесс набирает обороты.

— И вина за это легла на пятую когорту, — предположил Перси. — И вот теперь все считают, что мы — проклятые.

Хейзел вдруг поняла, что ее суп остыл. Она зачерпнула ложку, но любимая еда мало утешала ее сегодня.

— С тех пор мы в легионе стали изгоями... я имею в виду со времени катастрофы на Аляске. Наша репутация немного улучшилась, когда претором стал Джейсон...

— Это тот парень, который потерялся? — спросил Перси.

— Да, — ответил Фрэнк. — Я его никогда не видел. Он исчез еще до меня. Но говорят, что он был хорошим претором. Он практически вырос в пятой когорте. Ему было все равно, что про нас думают. Он начал заново создавать нашу репутацию. А потом исчез.

— И мы вернулись туда же, откуда начали, — горько сказала Хейзел. — Мы опять стали проклятыми. Мне жаль, Перси. Теперь ты знаешь, куда попал.

Перси отхлебнул своего синего лимонада, задумчиво уставившись вдаль.

— Я даже не знаю, откуда появился... но у меня такое чувство, что я уже не в первый раз оказываюсь в проигрышной ситуации. — Он посмотрел на Хейзел и изобразил на лице улыбку. — И потом, поступить в легион все же лучше, чем спастись бегством от монстров. К тому же я обзавелся друзьями. Может, вместе нам удастся улучшить репутацию пятой когорты?

В конце помещения раздался звук рожка. Офицеры за столом претора поднялись на ноги — даже Дакота. Рот у него от «кул-эйда» был красный, как у вампира.

— Игра начинается! — объявила Рейна. Обитатели лагеря ответили радостными криками и бросились за оружием, оставленным на стойках у стен.

— Значит, мы в атакующей группе? — спросил Перси, перекрикивая шум. — Это хорошо?

Хейзел пожала плечами.

— Хорошая новость: у нас слон. Плохая новость...

— Дай-ка я попробую догадаться, — сказал Перси. — Пятая когорта всегда проигрывает.

— Нравится мне этот парень! — Фрэнк хлопнул Перси по плечу. — Идем, мой новый друг. Это будет мое тринадцатое поражение подряд!

Идя на игру, Фрэнк прокручивал в голове события прошедшего дня. Он никак не мог поверить, что был на волосок от гибели.

Этим утром, стоя часовым вместе с Хейзел — еще до появления Перси, — он чуть не рассказал ей о своей тайне. Они вдвоем несколько часов простояли в промозглом тумане, наблюдая за машинами, мчавшимися по 24-му шоссе. Хейзел жаловалась на холод.

— Я бы все отдала, чтобы согреться, — сказала девушка, стуча зубами. — Жаль, что костер нельзя развести.

Даже в доспехах выглядела она классно. Фрэнку нравилась прядь волос цвета корицы, торчащая из-под шлема, нравилась ямочка у нее на подбородке, появлявшаяся, когда она хмурилась. По сравнению с Фрэнком она была маленькой, отчего он чувствовал себя огромным и неуклюжим, как бык. Он хотел обнять ее, чтобы согреть, но не осмеливался. Она бы, наверно, ударила его, и тогда он потерял бы единственного друга в лагере.

«Я мог бы развести здоровенный костер, — думал Фрэнк. — Конечно, горел бы он всего несколько минут, а потом бы я умер...»

Его испугала даже мысль об этом. Это на него так Хейзел действовала. Если она хотела чего-то, Фрэнк испытывал совершенно необъяснимое, но сильное желание сделать это для нее. Он хотел быть старомодным рыцарем, скачущим на коне, чтобы спасти ее, — довольно глупо, потому что она была более ловкой и приспособленной ко всему, чем он.

Он представил, что сказала бы его бабушка: «Фрэнк Чжан скачет на коне? Ха! Он упадет с лошади и сломает себе шею».

Трудно поверить, но Фрэнк всего шесть недель назад покинул дом бабушки — шесть недель прошло со дня похорон его матери.

После этого все и случилось: к дверям дома его бабушки явились волки... потом путешествие к лагерю Юпитера... потом недели, проведенные в пятой когорте, когда он изо всех сил пытался не выглядеть полным лузером. И все это время в кармане его куртки лежал обгорелый кусочек дерева, завернутый в тряпочку.

«Смотри, не потеряй его, — предупредила Фрэнка бабушка. — Пока он с тобой, ты в безопасности».

Беда была в том, что эта деревяшка очень легко загоралась. Он помнил, что случилось во время перехода на юг из Ванкувера. Когда в горах у Маунт-Худа температура упала ниже нуля, Фрэнк достал этот кусочек сухого дерева и держал его в руках, представляя, как хорошо было бы развести огонек. И сразу же обугленный кончик занялся жарким желтым пламенем. Он осветил ночь и до костей прогрел Фрэнка, но он при этом чувствовал, как жизнь уходит из него, словно огонь пожирает его самого, а не деревяшку. Он бросил горящую дощечку в сугроб. Несколько жутких мгновений дерево продолжало гореть, а когда пламя наконец погасло, Фрэнк с трудом прогнал овладевшую им панику. Завернул кусочек дерева в тряпочку и засунул назад в карман, исполнившись решимости никогда больше его не доставать. Но забыть о нем Фрэнк не мог.

Ему словно бы кто-то сказал: «Что бы ты ни делал, никогда не думай о том, как горит эта деревяшка!»

И конечно, Фрэнк постоянно об этом думал.

Стоя на часах рядом с Хейзел, он пытался направить мысли в какое-нибудь другое русло.

Ему нравилось быть рядом с ней. Он спрашивал ее о детстве в Новом Орлеане, но Хейзел как-то нервно отвечала на вопросы, а потому Фрэнк перевел разговор на всякую ерунду. Ради смеха они попытались говорить по-французски. У Хейзел со стороны матери была креольская кровь, а Фрэнк учил французский в школе. Никто из них не говорил по-французски свободно, а луизианский французский настолько отличался от канадского французского, что общения у них не получилось. Когда Фрэнк спросил, как сегодня чувствует себя ее корова, а она ответила, что у нее зеленые туфли, они решили оставить это занятие.

Потом появился Перси Джексон.

Да, Фрэнк и прежде видел, как ребята воюют с монстрами. Он и сам по пути из Ванкувера немало сражался с ними. Но вот горгон он видел впервые. И богинь Фрэнк никогда прежде не видел. А то, как Перси управлял Малым Тибром... ну, это вообще отпад! Жаль, что он сам так не умеет.

Фрэнк все еще чувствовал, как когти горгон вонзаются в его тело, ощущал их змеиное дыхание — так пахнут дохлые мыши и яд. Если бы не Перси, эти уродины унесли бы его, и он теперь валялся бы грудой костей на заднем дворе «Баргин-Марта».

После этого происшествия в реке Рейна послала Фрэнка в арсенал, и у него появилась возможность подумать. Он полировал мечи, вспоминая Юнону, которая предупреждала их: надо освободить Смерть.

К несчастью, Фрэнк прекрасно знал, что имела в виду богиня. При виде Юноны он попытался скрыть охватившее его потрясение: богиня точно соответствовала тому, как ее описывала бабушка, — вплоть до козлиной шкуры на плечах.

«Она определила твой путь много лет назад, — сказала ему бабушка. — И он будет нелегким».

Фрэнк бросил взгляд на свой лук в углу арсенала. Он чувствовал бы себя лучше, если бы Аполлон признал его своим сыном. Фрэнк был уверен, что божественный родитель сделает это на его шестнадцатилетие — две недели назад.

Шестнадцатилетие было важной вехой в жизни римлянина. Фрэнк тогда отмечал свой первый день рождения в лагере. Но ничего не случилось. Теперь Фрэнк надеялся, что отец признает его на Празднике Фортуны, хотя, судя по словам Юноны, в этот день они будут сражаться не на жизнь, а на смерть.

Его отец непременно должен быть Аполлоном. Стрельба из лука — это единственное, что умел Фрэнк. Много лет назад мать сказала ему, что их семейная фамилия Чжан на китайском означает «мастер луков». Видимо, это каким-то образом намекало на его отца.

Фрэнк отложил тряпки, которыми протирал мечи, и уставился в потолок: «Прошу тебя, Аполлон, если ты мой отец, скажи мне. Я хочу быть лучником, как и ты»

— Ничего ты не хочешь, — раздался рядом ворчливый голос.

Фрэнк подскочил на стуле. За его спиной мерцал Вителлий, лар пятой когорты. Полное его имя было Гай Вителлий Ретикул, но другие когорты называли его Вителлий Редька.

— Меня прислала Хейзел Левеск — проверить, как ты тут, — сказал Вителлий, подтягивая свой пояс. — Ну и вообще — не помешает посмотреть на состояние нашего оружия!

Вителлий был никудышным оратором. Тога висела на нем мешком, из-под туники торчал живот, а ножны отстегивались от пояса и падали каждые три секунды, но Фрэнк на сей счет помалкивал.

— А что касается лучников, — продолжал призрак, — они слабаки! В мои времена лучниками были варвары. Хороший римлянин должен быть в самом центре схватки — вспарывать живот врага пикой и мечом, как цивилизованный человек! Так, как мы делали это в Пунические войны. Вперед, римляне! Вот так, парень!

Фрэнк вздохнул.

— Я думал, ты был в армии Цезаря.

— Я и был!

— Вителлий! Цезарь жил несколько сотен лет спустя после Пунических войн. Ты к тому времени давно уже должен был умереть.

— Ты ставишь под сомнение мою честь? — Вителлий посмотрел на него таким безумным взглядом, что его аура засветилась. Он вытащил свой призрачный гладиус и закричал: — Ну, сейчас ты у меня попляшешь!

Он несколько раз пронзил грудь Фрэнка мечом, который был столь же смертелен, как и луч лазера.

— Ой, — сказал Фрэнк, только чтобы угодить Вителлию. Тот удовлетворенно посмотрел на него и убрал меч.

— В следующий раз дважды подумаешь, прежде чем оспаривать то, что говорят старшие! Так что... тебе недавно исполнилось шестнадцать?

Фрэнк кивнул. Он не знал, откуда Вителлию это известно, потому что Фрэнк сказал про день рождения только Хейзел. Но у призраков были свои способы узнавать чужие секреты. Обернуться невидимкой и подслушать было одним из таких способов.

— Вот, значит, почему ты такой мрачный, как гладиатор, — сказал лар. — Теперь понятно. Шестнадцать лет — в этом возрасте мальчик становится мужчиной! Твой божественный родитель должен был признать тебя... да, без сомнений. Да хотя бы самый малый знак подать. Может, он думал, что ты младше. Знаешь, ты ведь выглядишь младше — у тебя такая пухленькая детская мордашка.

— Спасибо, что напомнил, — пробормотал Фрэнк.

— Да, я помню свое шестнадцатилетие, — со счастливым видом сказал Вителлий. — Замечательное предзнаменование! Курица у меня в штанах.

— Что-что?!

— Именно так! — Вителлий надулся от гордости. — Я был в реке, переодевался к либералии. Так называется ритуал посвящения в мужчины. Мы тогда все делали как полагается. Я снял свою детскую тогу и мылся, чтобы потом облачиться в мужскую. И вдруг откуда ни возьмись появилась снежно-белая курица, прыгнула в мою набедренную повязку и убежала с ней. В тот момент я ее снял.

— Это хорошо, — сказал Фрэнк. — Хотя, могу заметить, что информация не то чтобы понятная...

— Ммм. — Вителлий не слушал. — Этот знак мне подал Эскулап, бог врачевания. Я взял свою фамилию Ретикулус, потому что она означает «нижнее белье», чтобы напоминать мне о том благословенном дне, когда курица унесла мою повязку.

— Значит... твоя фамилия означает мистер Нижнее Белье?

— Хвала богам! Я стал врачом легиона. А все остальное принадлежит истории. — Он широко раскинул руки. — Не сдавайся, мальчик. Может быть, твой отец запаздывает. Конечно, большинство предзнаменований не такие очевидные, как курица. Я когда-то знал одного парня, который получил навозного жука...

— Спасибо, Вителлий, — прервал его Фрэнк. — Но мне нужно закончить с оружием.

— А кровь горгоны?

Фрэнк замер. Он об этом никому не говорил. Насколько ему было известно, только Перси видел, как у реки он сунул сосуды в карман, и им пока не представилось случая поговорить об этом.

— Брось, — укоризненно сказал Вителлий. — Я — целитель. Я знаю легенды о крови горгоны. Покажи мне эти сосуды.

Фрэнк неохотно предъявил два маленьких керамических сосуда, которые он вытащил из Малого Тибра. При распаде монстров нередко оставались военные трофеи — иногда зуб, иногда оружие, иногда целая голова чудовища. Фрэнк сразу же понял, что собой представляют эти две фляжки. По обычаю они принадлежали Перси, который убил горгон, но Фрэнк не мог отделаться от мысли: «А что, если я сам ими воспользуюсь?»

— Да... — Вителлий одобрительно разглядывал сосуды. — Кровь, взятая из правой стороны тела горгоны, может избавить от любой болезни, даже вернуть мертвого к жизни. Богиня Минерва как-то дала такой сосуд моему божественному предку Эскулапу. А кровь из левой стороны тела горгоны приводит к мгновенной смерти. Так какая из них какая?

— Не знаю. — Фрэнк посмотрел на керамические бутылочки. — Они одинаковые.

— Ха! Но ты надеешься, что правильный сосуд поможет тебе решить проблему с обгорелой деревяшкой? Может быть, разрушит проклятие?

Фрэнк был настолько ошарашен — говорить не мог.

— Не волнуйся, мальчик. — Призрак рассмеялся. — Я никому не скажу. Я ведь лар — защитник когорты! Я не сделаю ничего такого, что могло бы угрожать тебе.

— Ты ударил меня в грудь своим мечом.

— Верь мне, мальчик! Я тебе сочувствую — ты несешь на себе проклятие аргонавтов.

— Что несу?

— Не скромничай, — отмахнулся Вителлий. — У тебя древние корни. Не только греческие, но и римские. Неудивительно, что Юнона... — Он наклонил голову, словно прислушиваясь к голосу сверху. Лицо у него вдруг обмякло. Вся его аура замерцала зеленым цветом. — Ну, я сказал достаточно! В любом случае, я даю тебе возможность самому решать, кому достанется кровь горгоны. Думаю, что этот новенький — Перси — тоже имеет право на трофей. С его-то проблемами с памятью.

Фрэнк задумался, что же такое собирался сказать Вителлий и что его так напугало, но у него было ясное ощущение: теперь лар закроет рот на замок.

Он посмотрел на два сосуда. Ему даже в голову не пришло, что они могут понадобиться Перси. Теперь Фрэнк чувствовал себя виноватым — ведь он собирался всю кровь использовать сам.

— Да, конечно, Перси должен воспользоваться этим.

— Да, но если хочешь услышать мой совет... — Вителлий снова нервно поднял взгляд к небесам. — Вы должны повременить с использованием крови горгоны. Если мой источник верен, она вам понадобится в вашем поиске.

— В поиске?

Двери арсенала распахнулись.

Внутри ворвалась Рейна, сопровождаемая металлическими гончими. Вителлий исчез. Курицы, может, ему и нравились, а вот собаки претора — нет.

— Фрэнк! — Вид у Рейны был озабоченный. — Бросай это! Найди Хейзел. Приведи

сюда Перси Джексона. Что-то его долго нет. Я не хочу, чтобы Октавиан... — Она замолчала. — В общем, приведи сюда Перси.

И поэтому Фрэнку пришлось бежать бегом до самой Храмовой горы.

На обратном пути Перси задал ему кучу вопросов о брате Хейзел, Нико, но Фрэнк мало что знал.

— У него все в порядке, — сказал Фрэнк. — И он мало похож на Хейзел.

— Что ты имеешь в виду?

— Я... гмм... — Фрэнк закашлялся. Он хотел сказать, что Хейзел красивее, добрее, но решил не говорить об этом. — Нико немного таинственный. В его присутствии все начинают нервничать — он ведь сын Плутона и все такое.

— Но ты не нервничаешь?

Фрэнк пожал плечами.

— Плутон крутой бог. Не его вина, что он правит Царством Мертвых. Просто ему не повезло, когда боги делили сферы ответственности. Юпитер получил небеса, Нептун — море, а Плутон — подземелье.

— Тебя не пугает Смерть?

Фрэнк едва не рассмеялся. «Ничуть! Спичка есть?»

Но вместо этого он сказал:

— В древности... ну, еще у греков, когда Плутона называли Аидом, он был в большей степени богом смерти. А превратившись в римлянина, он стал... ну, не знаю, более уважаемым, что ли. Он стал богом богатства. Все, что под землей, принадлежит ему. Поэтому я не считаю его таким уж страшилищем.

Перси поскреб затылок.

— А как это бог становится римлянином? Если он грек, разве он может превратиться в кого-то другого?

Фрэнк некоторое время шел молча, размышляя над вопросом. Вителлий закатил бы Перси лекцию на целый час по этому предмету... возможно, используя компьютерные презентации в Power Point. Но Фрэнк ответил так, как сам это понимал.

— Римляне так это видели. Они приняли греческую систему и усовершенствовали ее.

— Усовершенствовали? — Перси поморщился. — А что в ней было плохого?

Фрэнк вспомнил слова Вителлия: «У тебя древние корни. Не только греческие, но и римские». Его бабушка тоже говорила что-то в этом роде.

— Не знаю, — признался он. — Рим был успешнее Греции. Римляне создали громадную империю. Боги во времена Рима стали более важными — более сильными и известными. Вот почему они сохранились и по сей день. На римской цивилизации основано множество других. Боги стали римскими, потому что туда переместился центр силы. Юпитер был... более могущественным в качестве римского бога, чем в образе Зевса. Марс стал гораздо более сильным и дисциплинированным...

— А Юнона превратилась в грязную старушку, — заметил Перси. — Так ты хочешь сказать, что греческие боги навсегда переметнулись в римские? И от греческих ничего не осталось?

— Ммм... — Фрэнк оглянулся, чтобы убедиться — никого поблизости нет. До главных ворот оставалась еще сотня ярдов. — Это болезненная тема. Некоторые говорят, что греческое влияние все еще заметно... ну, типа, боги отчасти остаются греками. Я слышал рассказы о

том, что иногда полубоги покидают лагерь Юпитера. Они отказываются от римской подготовки и следуют более старому греческому стилю — становятся героями-одиночками, а не действуют в составе легиона. А в древности, когда Рим пал, восточная часть империи — греческая — сохранилась.

— Я этого не знал.

— Она называлась Византия. — Фрэнку нравилось это слово. Красивое. — Восточная империя продержалась еще тысячу лет, но она всегда была больше греческая, чем римская. Для тех из нас, кто следует римской традиции, это болезненная тема. Вот почему, в какой стране мы бы ни обосновывались, мы, лагерь Юпитера, всегда располагаемся на западе — на римской части территории. Восточная считается несчастливой.

— Вот как... — Перси нахмурился.

Недоумение Перси было вполне объяснимо. У Фрэнка от этих греко-римских шуток тоже голова шла кругом.

Они дошли до ворот.

— Я провожу тебя в бани, чтобы ты помылся, — сказал Фрэнк. — Но сначала... насчет этих сосудов, что я нашел в реке.

— Кровь горгоны, — кивнул Перси. — Один сосуд исцеляет. В другом — смертельный яд.

— Так тебе это известно? — Глаза Фрэнка расширились от удивления. — Слушай, я не собирался их оставлять у себя. Я просто...

— Я знаю, почему ты это сделал, Фрэнк.

— Знаешь?

— Да. — Перси улыбнулся. — Если бы я явился в лагерь с ядом, это выглядело бы не слишком хорошо. Ты пытался защитить меня.

— Гмм... да. — Фрэнк отер вспотевшие ладони. — Нам бы еще сообразить, в каком сосуде что. Тогда мы смогли бы исцелить твою память.

Улыбка сошла с лица Перси. Он посмотрел на холмы вдаль.

— Наверно. Но ты пока поддержи их у себя. Впереди сражение. Они нам могут понадобиться для спасения жизней.

Фрэнк с уважением посмотрел на него. У Перси была возможность вернуть себе память, а он соглашался ждать — вдруг это целебное средство понадобится кому-то другому. Римляне считались альтруистами и помогали своим товарищам. Но Фрэнк не был уверен, что кто-то еще в лагере сделал бы такой выбор.

— Так ты ничего не помнишь? — спросил Фрэнк. — Семья, друзья?

Перси потрогал бусинки на своем шнурке.

— Какие-то отрывки. Смутные. Подружка... Я думал, что увижу ее в лагере. — Он внимательно, словно принимая решение, посмотрел на Фрэнка. — Ее зовут Аннабет. Ты ее не знаешь?

Фрэнк покачал головой.

— Я знаю всех в лагере — Аннабет здесь нет. А твоя семья? Твоя мать смертная?

— Наверно... она, наверно, с ума сходит от беспокойства. А твоя мать — она тебя часто видит?

Фрэнк остановился у дверей бань, снял полотенца со стеллажа.

— Она умерла.

— Как? — Перси удивленно вскинул брови.

Обычно Фрэнк отделялся ложью. Он говорил, что произошел несчастный случай, и закрывал эту тему. В противном случае ему было не совладать с эмоциями. Он не мог себе позволить плакать в лагере Юпитера. Фрэнк не мог демонстрировать свою слабость. Но с Перси говорить было легко.

— Она погибла на войне, — сказал он. — В Афганистане.

— Она была в армии?

— Да. В канадской.

— В канадской? Я не знал...

— Большинство американцев не знают. — Фрэнк вздохнул. — Да, Канада отправляла туда солдат. Моя мама была капитаном. Она — одна из первых женщин, погибших в бою. Она спасла нескольких солдат, прижатых к земле вражеским огнем. А сама... сама погибла. Похороны состоялись перед самым моим отъездом сюда.

Перси кивнул. Он не стал уточнять, и Фрэнк оценил это. Перси не выражал соболезнований, не делал сочувственных комментариев, которые всегда так досаждали Фрэнку: «Ах ты, бедняга. Нелегко тебе, наверно, пришлось. Прими мои глубочайшие соболезнования».

Перси, казалось, не в первый раз сталкивался со смертью и словно бы знал, что такое горе. Главное тут было — уметь выслушать. Не нужно было выражать сочувствие. Единственное, что помогало, это движение... продолжение жизни.

— Ты мне покажешь бани? — спросил Перси. — Я жутко грязный.

— Да. — Фрэнк выдавил улыбку. — Это точно.

Когда они вошли в парилку, Фрэнк вспомнил о бабушке, о матери, о своем проклятом детстве — спасибо Юноне и ее деревяшке. Ему почти хотелось забыть прошлое, как забыл его Перси.

Фрэнк плохо помнил сами похороны. Но он помнил час перед ними — его бабушка вышла во двор, где он расстреливал из лука ее коллекцию фарфора.

Дом бабушки представлял собой обширный особняк серого камня на двенадцати акрах в Северном Ванкувере. Двор дома выходил прямо в Линн-Каньон-Парк.

Утро стояло холодное, промозглое, но Фрэнк не чувствовал холода. На нем был черный шерстяной костюм и черная куртка, которые когда-то принадлежали его деду. Фрэнк испугался и расстроился, когда обнаружил, что эти вещи ему впору. Одежда пахла нафталином и жасмином. Ткань была колючая, но теплая. С луком и колчаном он, наверно, был похож на взбесившегося дворецкого.

Фрэнк погрузил часть дедовского фарфора в тележку и поспешил во двор. Там он расставил посуду на столбиках забора, ограждающего участок. Он стрелял так долго, что пальцы его потеряли чувствительность. Он представлял себе, что, поражая каждую цель, приканчивает одну из своих проблем.

Афганские снайперы. Трах. Чайник разлетелся на части — стрела попала в самую его середину.

Медаль за самопожертвование, серебряный диск на красно-черной ленте — такой медалью награждают погибших при исполнении долга. Ее вручили Фрэнку так, словно это было что-то важное, словно эта медаль могла вернуть ему маму. Бах. Чашка, крутясь, полетела в заросли.

Офицер, который пришел к нему со словами: «Твоя мать — герой. Капитан Эмили Чжан погибла, пытаюсь спасти товарищей». Цок. Сине-белое блюдо разлетелось на куски.

Выговор от бабушки: «Мужчины не плачут. В особенности из рода Чжан. Ты должен это выдержать, Фай».

Никто не называл его Фай — только бабушка.

«Что это за имя такое — Фрэнк? — брюзжала она. — Это не китайское имя».

«Я не китаец», — думал Фрэнк, но сказать так не осмеливался. Много лет назад мать сказала ему: «Не смей спорить с бабушкой. От этого тебе будет только хуже». Она была права. А теперь у Фрэнка не осталось никого, кроме бабушки.

Стук. Четвертая стрела попала в столбик и, застряв в нем, задрожала.

— Фай, — позвала бабушка.

Фрэнк повернулся.

Она держала в руках шкатулку черного дерева размером с коробку из-под обуви — Фрэнк прежде не видел эту шкатулку. В черном платье с высоким воротником, со строгим пучком седых волос она была похожа на учительницу из 1880-х годов.

Она обвела взглядом побоище: ее фарфор в тележке, осколки ее любимого чайного сервиза на травке, стрелы Фрэнка, торчащие из земли, деревьев, столбиков забора. Одна торчала из головы садового гнома.

Фрэнк думал, что бабушка сейчас раскричится или ударит его шкатулкой. Такого он себе еще не позволял. Никогда он не чувствовал себя таким озлобленным.

На лице бабушки отразились горечь и неодобрение. Она ничуть не была похожа на мать Фрэнка. Он не мог понять, как его мама выросла такой хорошей — она всегда смеялась, всегда была добра. Фрэнк не мог себе представить, как это его мать росла с бабушкой. Не

мог он представить ее и на поле боя, хотя две эти ситуации, вероятно, не были такими уж разными.

Он ждал — вот сейчас бабушка разразится руганью. Может быть, его накажут и не возьмут на похороны. Фрэнк хотел сделать бабушке больно за то, что она всегда такая жестокая, что отпустила маму на войну, что не давала ему плакать. Ее волновал только дурацкий фарфор.

— Прекрати эти глупости, — велела бабушка. Она, казалось, даже не была сильно рассержена. — Это ниже твоего достоинства.

К удивлению Фрэнка, она отшвырнула ногой одну из своих любимых чашек.

— Скоро приедет машина, — сказала она. — Мы должны поговорить.

Фрэнк был ошарашен. Он внимательнее присмотрелся к шкатулке из черного дерева. На какое-то жуткое мгновение он вдруг решил, что там — прах его матери. Но это было невозможно. Бабушка сказала ему, что будут военные похороны. Тогда почему бабушка держит эту шкатулку так, будто ее содержимое печалит ее.

— Пойдем в дом. — И, не дожидаясь Фрэнка — идет он или нет, — бабушка повернулась и двинулась к дому.

В гостиной Фрэнк сел на обитый бархатом диван, вокруг висели старые семейные фотографии, стояли фарфоровые вазы, слишком большие для его тележки, красные флажки с китайскими иероглифами. Фрэнк не знал, что означают эти иероглифы. И никогда особо не стремился узнать. Большинства людей на фотографиях он тоже не знал.

Каждый раз, когда бабушка начинала рассказывать ему о предках (как они приехали из Китая, как завели процветающий экспортно-импортный бизнес, как стали в конце концов одной из богатейших китайских семей в Ванкувере), у него от скуки скулы сводило. Фрэнк был канадцем в четвертом поколении. Единственные известные ему иероглифы были иероглифы его фамилии — Чжан: мастер луков. Это было классно.

Бабушка села рядом с ним — спина прямая, руки лежат на шкатулке.

— Твоя мать хотела, чтобы это было у тебя, — неохотно произнесла она. — Она хранила это с твоего рождения. Когда она уехала воевать, то оставила это мне. Теперь она ушла. Скоро уйдешь и ты.

У Фрэнка перехватило живот.

— Уйду? Как это?

— Я стара, — провозгласила бабушка, так, словно это было какое-то открытие. — Скоро мне самой предстоит свидеться со Смертью. Я не могу обучить тебя тем искусствам, которые тебе понадобятся, и не могу нести это бремя на себе. Если с этим что-то случится — я себе не прощу. Ты умрешь.

Фрэнк не был уверен, что правильно ее понял. Говорила она так, словно его жизнь зависела от этой шкатулки. Почему он не видел ее раньше? Наверно, она была заперта на чердаке — единственном помещении, вход в которое Фрэнку запрещен. Бабушка всегда говорила, что главные свои сокровища хранит там.

Она протянула ему шкатулку. Дрожащими пальцами Фрэнк поднял крышку. Внутри на бархатной подкладке лежал ужасающий, судьбоносный, жизненно важный... кусок дерева.

Эта деревяшка напоминала мусор, который прибывает к берегу, — твердая, гладкая, изогнутой формы. Размером с пульт дистанционного управления от телевизора. Кончик обугленный. Фрэнк прикоснулся к почерневшему кончику — он все еще был теплый. Уголек оставил черную черточку на его пальце.

— Это просто дощечка, — сказал он. Он не мог понять, почему бабушка ведет себя так, будто это не деревяшка, а бог знает что.

Ее глаза сверкнули.

— Фай, ты знаешь о пророчествах? Ты знаешь о богах?

От этого вопроса Фрэнку стало не по себе. Он подумал об этих дурацких бабушкиных золотых статуэтках — китайских бессмертных, о ее суевериях: она неизменно настаивала на том, что мебель должна стоять в строго определенных местах, избегала несчастливых номеров. Пророчества напомнили ему печенье-гаданье, которое было даже и не китайским — ну, не совсем китайским, — но школьные задиры дразнили его из-за этого дурацкого печенья: «Конфуций сказал...» — ну, в общем, приплетали всякую такую ерунду. А Фрэнк даже в Китае никогда не был. Он не желал иметь с этим ничего общего. Но бабушка, конечно, и слышать не хотела.

— Немного, бабушка, — сказал он. — Самую малость.

— Большинство людей посмеялись бы, узнав историю твоей матери, — провозгласила она. — Но я не смеялась. Я знаю о пророчествах и богах. Греческих, римских, китайских — все они переплелись в нашей семье. Я не стала сомневаться, когда она рассказала мне о твоём отце.

— Постой... что?

— Твой отец был богом, — напрямик заявила она.

Будь у бабушки чувство юмора, Фрэнк подумал бы, что она шутит. Но бабушка никогда не дразнила его. Может, она впадает в старческое слабоумие?

— Прекрати на меня пялиться, — отрезала она. — Голова у меня в порядке. Ты никогда не задавался вопросом, почему твой отец ни разу не появился здесь?

— Он был... — Фрэнк запнулся. Потеря матери была для него тяжелой утратой. Он не хотел сейчас думать и об отце. — Он служил в армии. Как и мама. Пропал без вести. В Ираке.

— Ну да, пропал! Он был богом. Он влюбился в твою мать, потому что она была прирожденным воином. Она была похожа на меня — сильная, смелая, добрая, красивая.

Сильная и смелая — в это еще Фрэнк мог поверить. Но представить бабушку доброй и красивой было куда труднее.

Фрэнк все еще думал, что у нее, наверное, поехала крыша, но все же спросил:

— Каким богом?

— Римским, — ответила бабушка. — А больше я ничего не знаю. Твоя мать не желала говорить. А может, и сама не знала. Неудивительно, что бог влюбился в нее — ведь она из такой семьи! Он, наверно, знал, что она древней крови.

— Постой... мы — китайцы. Зачем римскому богу встречаться с канадской китаянкой?

Бабушка рассерженно засопела.

— Если бы ты дал себе труд познакомиться с историей нашей семьи, Фай, то не спрашивал бы! Китай и Рим не так уж и непохожи, не так уж далеки друг от друга, как ты, наверно, думаешь. Наша семья происходит из провинции Ганьсу. Из города под названием Ли Цзень. Но важнее этого... как я сказала, древняя кровь. Кровь царей и героев.

Фрэнк смотрел на нее непонимающим взглядом.

Она вздохнула.

— Нет, этот глупый недоросль не понимает слов — я только даром трачу на него время! Правда станет тебе известна, когда ты будешь в лагере. Может быть, твой отец признает тебя.

А пока я должна объяснить тебе про эту головешку.

Бабушка ткнула пальцем в сторону большого камина.

— Вскоре после твоего рождения у нашего очага появилась гостья. Мы с твоей матерью сидели вот на этом самом диване, где теперь мы сидим с тобой. Ты еще был совсем крохой, лежал, завернутый в синее одеяло, и она баюкала тебя на руках.

Это вроде бы было теплое воспоминание, но бабушка говорила о нем с горечью, словно уже и тогда знала, что из Фрэнка вырастет большой ленивый олух.

— У огня появилась женщина, — продолжала она. — Белая женщина — гвай по — в синем шелке и странной накидке из козьей шкуры.

— Козьей? — глупо переспросил Фрэнк.

Бабушка сердито посмотрела на него.

— Прочисти уши, Фай Чжан! Я слишком стара, чтобы дважды повторять одно и то же. Эта женщина с козьей накидкой была богиней. Такие вещи всегда сразу видишь. Она улыбнулась ребенку — тебе — и сказала твоей матери на идеальном китайском, ни больше ни меньше: «Он замкнет круг. Он вернет твою семью к ее корням и принесет тебе большую славу».

Бабушка фыркнула.

— Я не спорю с богинями, но, вероятно, эта не очень четко видела будущее. Как бы там ни было, но она сказала: «Он отправится в лагерь и там восстановит вашу репутацию. Он освободит Танатоса из его ледяного плена...»

— Погоди-ка, кого?..

— Танатоса, — нетерпеливо ответила бабушка. — Это греческое название Смерти. Может быть, ты больше не будешь меня прерывать? Богиня сказала: «Кровь Пилоса по материнской линии сильна в этом ребенке. Он будет иметь дар семейства Чжан, но будет обладать и силой своего отца».

Внезапно семейная история Фрэнка перестала быть скучной. Он отчаянно хотел спросить, что все это значит: силы, дары, кровь Пилоса. Что это за лагерь? И кто его отец? Но Фрэнк не хотел еще раз прерывать бабушку. Он хотел, чтобы она продолжала.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Джун (June) — по-английски июнь. *(Здесь и далее примечания редактора.)*